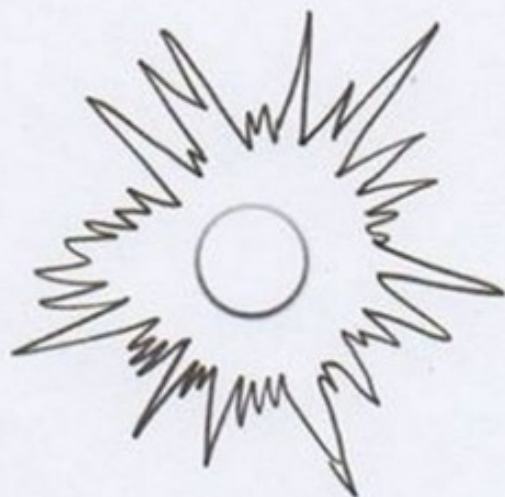

Константин Семенов
Вадим Сериков

ПГТ

Вадим Сериков

ПГТ. Роман о людях

«Издательские решения»

Сериков В.

ПГТ. Роман о людях / В. Сериков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962323-2

Роман «ПГТ» возрождает забытый жанр книг о простых людях. В нем нет эльфов и орков, полицейских и бандитов, убийств и расследований. Зато в нем есть живые человеческие характеры и судьбы, смех, прорывающийся сквозь слезы, и радость жизни, преодолевающая любые преграды. Этот роман — для читателя, которому интересен человек, живущий с ним рядом.

ISBN 978-5-44-962323-2

© Сериков В.
© Издательские решения

Содержание

ПГТ	6
Пролог	7
ГЛАВА ПЕРВАЯ	9
Звонящему – ответ	9
ГЛАВА ВТОРАЯ	13
Я и архивная пыль	13
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	17
Настоящий олигарх	17
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ	21
Профессионалы	21
ГЛАВА ПЯТАЯ	27
Спи, моя Светлана	27
ГЛАВА ШЕСТАЯ	31
Мечта филателиста	31
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	35
Короткие проводы	35
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	39
Тихий зов дембеля	39
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	43
Обломок империи	43
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	47
Наша служба не опасна, но трудна	47
ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ	50
Онегин, я была моложе	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

ПГТ

Роман о людях

Константин Семёнов
Вадим Сериков

Иллюстратор Мария Шанина

© Константин Семёнов, 2019

© Вадим Сериков, 2019

© Мария Шанина, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4496-2323-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Константин Семенов, Вадим Сериков

ПГТ
Роман о людях
Как в воде лицо – к лицу, так
сердце человека – к человеку

Книга Притчей Соломоновых, 27:19

Пролог

Обычно это случалось по праздникам. Я обожал ходить к маминой знакомой, тете Ире. Помимо необычного запаха в их доме, а там почему-то всегда пахло свечками и пирогом, для моей любви имелась еще одна причина. Звали ее, причину эту, Иннокентий Альбертович. Дядя Кеша.

Человек феерический! Будучи по образованию театральным художником, работал в кукольном театре, и не просто каким-то там актером, а главным волшебником. Он изготавливал кукол. В квартире у тети Иры жили несколько кукол его работы: большой полосатый кот, небольшая, но страшная баба-Яга и заготовка Буратино. Последняя кукла представляла из себя тот момент жизненного цикла деревянного человечка, когда папа Карло уже вырезал из полена голову с длинным носом, но все остальное еще не доделано. У Буратино шевелилась нижняя челюсть, а, значит, он мог говорить. После нескольких моих визитов челюсть отвалилась, и ее пришлось закрепить скотчем. Но от этого игрушка не потеряла своего очарования.

Но все остальное меркло перед главным талантом дяди Кеша. Он показывал фокусы! Фокусов в его репертуаре было много. Два. Первый заключался в том, что Иннокентий Альбертович хитрым образом складывал руки, и большой палец неожиданно начинал разъединяться на две половинки. Все происходило очень быстро, и, сколько я ни пытался разглядеть подвох, мне это не удавалось. Я был взрослым человеком, мне исполнилось шесть лет, и меня не удалось бы купить на обычную глупость с «оторванным пальцем». Подобные чудеса «презирались» уже в средней группе нашего детского сада. Но тут было другое. Палец разъединялся посередине, чему в моей картине мира объяснений не имелось.

Но еще более потрясающим был второй фокус. Дядя Кеша брал металлическую крышку от лимонада, зажимал ее в кулаке, несколько раз взмахивал рукой вверх-вниз, и... пробка исчезала. В поисках разгадки я тут же начинал разглядывать пол и окружающие предметы, куда хитрый волшебник мог запрятать крышку. Но ничего не обнаруживал. Да и характерный «звук» не раздавался, как было бы, если бы крышка упала на пол. Фокус с крышкой я видел бесчисленное количество раз, и долгое время именно он оставался для меня главной загадкой мироздания.

И я уверился в том, что настоящее волшебство существует. Да, будем справедливы, чудес на свете немного, но есть же они. Есть! В руках кукольника дяди Кеша, например.

Прошло около трех лет. Праздники мы так же встречали у тети Иры, и каждый раз неизменными спутниками моими были Буратино с приклеенной скотчем челюстью и фокус с крышкой. Так продолжалось до одного вечера.

Дядя Кеша пришел тогда неожиданно лысым. Его это ничуть не портило, потому что настоящий волшебник может быть любым. Подошло время главного события. Дядя Кеша взял крышку от лимонада, взмахнул несколько раз рукой и разжал ее. Крышки в ладони, конечно, не было. Не знаю почему, но, вопреки обыкновению, я не начал шарить глазами по полу, а поднял глаза к дяди кешиной голове. Крышка лежала там. Она была яркой и прекрасно заметной на светлой лысине.

Я не стал разочаровывать незадачливого чародея, и тихо отошел, сделав вид, что ничего не заметил. Но это было началом крушением моих грез. Я понял, что чудес не существует. Я

понял, что все мире в имеет физическое объяснение. Если ты чего-то не понимаешь, просто надо оглядеться. Посмотреть не только вниз, но и вверх. И, желательно, по сторонам. И все найдется. И все разгадается.

С дядей Кешей мы больше никогда не виделись. До следующего праздника он не дожил: лысина, как оказалось, была следствием лучевой терапии. Странно, а ведь он тогда веселился, как обычно. Разве смертельно больные люди умеют веселиться?

Я быстро привык жить без чудес. Это оказалось значительно проще и спокойнее. Вокруг меня существовали люди. Они могли быть плохими или хорошими, умными или глупыми. Они могли смеяться, печалиться и страдать. Но в них не было ничего волшебного. Ничего такого, что было в дяде Кеше, пока он еще не был лысым.

Самый язвительный скепсис вызывали во мне рассуждения о наличии какой-то там «души». Чушь несусветная. Есть мозг, есть составляющие его нейроны и связи между ними. Все. Остальное – сказки и исчезающая пробка от лимонада, которая, на самом деле, никуда не исчезает.

Наверное, с подобными убеждениями я бы и закончил свою жизнь, если бы не ряд событий, о которых мне хотелось бы рассказать. Они встряхнули меня и повернули вспять. Для стороннего взгляда в них не было ничего особенного, но ведь и крышка от лимонада – не событие мирового значения, верно? Видимо, у каждого человека в жизни есть такие «крышечки», которые безвозвратно меняют его жизнь. Такой «крышечкой» и стал для меня ПГТ.

Мне понадобилось почти сорок лет, чтобы понять: чудо не в фокусе. Чудо – в человеке, который его делает.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Звонящему – ответь

– Здравствуйте, могу я поговорить с Олегом Григорьевичем?

«Нет, не можете, – подумал я, – вы же не ему звоните, а на прямую линию Президенту Путину».

– Да, это я.

– Меня зовут Владислав Всеволодович, – и в трубке повисла тишина.

Есть люди, которые считают, что окружающие просто обязаны угадывать их намерения, едва лишь будет произнесено имя. Такое весомое, всем известное имя. «Ой, это же Владислав Всеволодович! – должен был бы мысленно восхититься я. – Кто не знает дядю Степу? Дядя Степа всем знаком!». «Чего изволите, Всеволод... то есть Владислав Всеволодович?», – должен был бы продолжить я уже вслух. Но я воздержусь от такого продолжения. Излишнее подострашие людей расслабляет. Звонок входящий, деньги трачу не я. Подождем.

– Олег Григорьевич, – продолжила трубка голосом оскорбленного целомудрия, – мне вас рекомендовали.

И опять тишина. Замечательно. Надеюсь, рекомендовала меня никто иная, как Мэрилин Монро. Мы же оба, я и Владислав Всеволодович, с ней на дружеской ноге. Так что больше некому.

– Скажите, когда мы сможем встретиться? – спросила трубка совсем уже надуту.

Мне даже стало ее, трубку, немножечко жалко. Ну, чего я ее мучаю? Тем более, понятно, что дальше хранить молчание бессмысленно. Мячик-вопрос переброшен ко мне.

Незнакомые люди звонят мне, на самом деле, редко. И если неизвестный мне человек начинает разводить тайны мадридского двора, меня этостораживает. В последний раз, когда со мной говорили столь же загадочным образом, это закончилось плохо. Меня заманили на презентацию, где продали путевку в какой-то затрапезный турецкий отель в три раза дороже ее реальной стоимости. Кредит я потом отдавал больше года. Так что всякие таинственные незнакомцы, потенциальные являющиеся агентами по продаже всякого барахла и наймитами мирового капитала, меня очень напрягают. Нет бы просто, четко, по-военному – мол, такой-то и такой-то, хочу подарить вам миллион долларов наличными...

– Владислав Всеволодович, – произнес я голосом, достаточно твердым, чтобы указать собеседнику его место, но без грубости, дабы не отпугнуть, если, по случайному стечению обстоятельств, звонит все-таки клиент. – Не могли бы вы чуть подробнее рассказать о сути дела. У меня, к сожалению, очень напряженный график, и я должен понимать, о чем будет идти речь во время встречи.

Это я, конечно, вру. Никакого напряженного графика у меня нет. Работа в РГИА (Российском государственном историческом архиве) почетна, но не обременительна. Обратной стороной такой расслабленности является мизерное вознаграждение, которое стыдно даже называть зарплатой. Живу я, конечно, не за счет этой государственной подачки, а благодаря нечастым, но денежным халтурам. Но сейчас период спокойный, крупных заказов нет. А соврал я для придания своим словам большего веса. Мол, проходим, проходим, не отвлекаем боярина мелкими просьбишками. Озвучиваем только дела государственные, требующие сиятельнейшего внимания.

– Олег Григорьевич, я хочу предложить вам работу.

Да что же это такое? Умеет он говорить более одного предложения за раз, или нет? К нему что, нужно приставить слововытряхивательную машинку? Работу он мне хочет предложить, понимаешь! Наверное, киллером, не иначе. Киллер-архивариус – это серьезно. Мишенью должен стать кто-то не меньше премьер-министра.

– Владислав Всеволодович, о работе в какой сфере идет речь?

Я все-таки не выдержал. Иначе этот разговор будет продолжаться вечно. А у меня через десять минут обед. «Режим питания нарушать нельзя!» – говорил Пончик из «Незнайки». И я полностью с ним согласен, Владислав Всеволодович. Так что, телитесь уже быстрее.

– Работа, естественно, касается вашей профессиональной деятельности. Мне нужно составить родословную.

Тут я расслабился. Во-первых, понял, что никто на этот раз не планирует продавать мне путевки. Во-вторых, родословные, а, точнее, генеалогический поиск – это действительно мой конек, мое призвание, *profession de foi* и главный источник наживы. А что? Людей интересует их прошлое. Я могу эти сведения найти. Делаю это грамотно и в кратчайшие сроки. Профессор! Нет, не зря Всеволодовичу меня рекомендовали, не зря.

– Хорошо, вы можете подъехать ко мне и привезти все необходимые данные.

Трубка опять обиделась. Обиделась настолько, что заговорила быстрее и связаннее обычного.

– Олег Григорьевич, вы, видимо, не поняли. Речь идет о действительно серьезной работе за большие деньги. Разговор будем долгим и... эм... весьма конфиденциальным. Поэтому предлагаю встретиться и обсудить наши дела в более комфортном месте. Например, в ресторане «Загреб». На Заневском проспекте, знаете? В девятнадцать ноль-ноль, сегодня.

Молодец. Изучил, где я и что я. Ресторан этот расположен совсем рядом с моим архивом. Дорогой он настолько, что я боюсь вдыхать запахи, когда прохожу мимо. Вдруг и за это деньги возьмут. А запахи там замечательные. Хотя, не вдыхал, никогда не вдыхал, только рассказывали. Хороший выбор, Владислав Всеволодович. Надеюсь, платить буду не я.

Мне немножко знакома эта порода людей – «в девятнадцать ноль-ноль». И не могу сказать, что такие люди мне сильно симпатичны. Как сказал бы нормальный среднестатистический гражданин? «Около семи». А этот говорит – «нуль-нуль».

У нас в школе был учитель истории по кличке Хронограф. Его любимой фразой было: «Теряем время». Так он говорил всегда, когда был недоволен ответом. Хронограф все оценивал в категориях времени. Время было у него универсальной валютой. У таких людей вместо крыльев – часовые стрелки. Работать с ними тяжело. Докапываются до каждой буквы, до каждой точечки. Попробуй, опоздай хоть на пять минут – и ты для них не существуешь. Но приходится общаться и с такими. Я же профессионал все-таки!

– Хорошо, Владислав Всеволодович. Буду, – подтвердил я трубке.

Трубка, не попрощавшись, повесилась. В смысле, на том конце раздались короткие гудки. Очень мило. Люблю воспитанных людей. Они меня, судя по всему, тоже.

Я все-таки заскочил домой переодеться. Благо, живу недалеко. Побоялся, что вид, в котором я хожу на работу, может шокировать изнеженных ресторанных работников и нанести им глубокую душевную травму. Надо отметить, что затрапезность моего служебного наряда истекает вовсе не от врожденной неряшливости. Просто хорошей одежды у меня немного, и надевать ее в ту жуткую пылицу, которая преследует каждого архивного работника на протяжении всей жизни – безумное расточительство. Спецодежда нам положена, но, естественно, не выдается. Поэтому мы, работники формуляра и папки, норовим ходить на работу в чем мать родила. Шутка. Ходим в том, чего не жалко.

Из всех сборов большую часть времени я потратил на размышления над сложнейшей проблемой: стоит ли надевать галстук или все-таки воздержаться. С одной стороны, заведение солидное, значит, галстук нужен. С другой – галстук я носить не умею и обязательно окуну его или в соус, или в какую другую жирную и плохо отстирываемую жидкость.

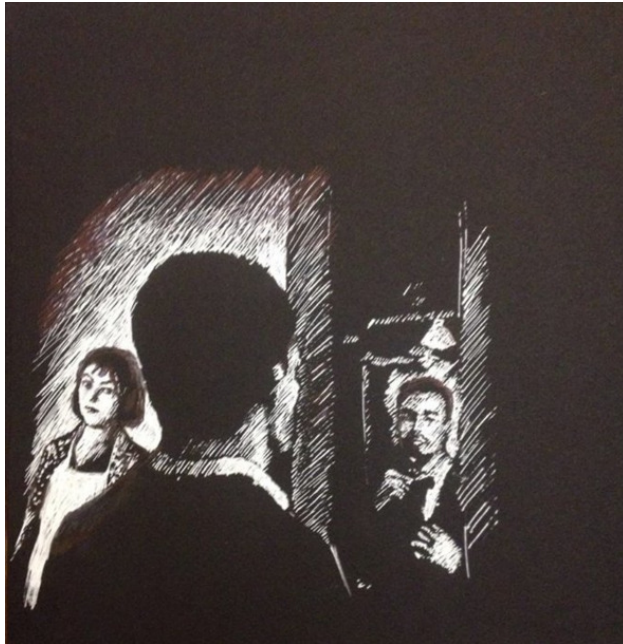
За этими раздумьями меня застала Светлана. Светлана – моя жена. Единственная и неповторимая.

– Ты куда это, такой красивый, намылился? – спросила она с намеком на ревнивую интонацию. Или мне просто захотелось услышать эту интонацию?

– На свидание, к любовнице, – ответил я мгновенно. – Как думаешь, галстук надевать или нет?

– Надень, надень, – недобро прищурилась Света, – ты в нем похож на директора нашей жилконторы. От него вся тамошняя бухгалтерия млеет.

– Спасибо, – искренне поблагодарил я и галстук снял. У Светы безупречный вкус. Она знает, что говорит.

Нельзя сказать, что жена меня не ревнует вообще. Еще совсем недавно ревность ее кипела и бурлила. Иногда по делу, чаще – нет. Однажды Светлана врезала мне по голове вторым томом Большой Советской Энциклопедии. Было больно и обидно, потому как именно в тот раз я был чист, аки свежесмытый помидор.

– Во сколько будешь? – спросила Света.

– «Не жди меня, я скоро не приеду», – пропел я и попытался чмокнуть ее куда-нибудь, куда попаду. Она уклонилась и посмотрела на меня требовательно-выжидающе. – Да с клиентом я встречаюсь, с клиентом. В ресторане. В «Загребе». Не позже одиннадцати буду.

– Смотри у меня! – строго сказала жена, так до конца и не поверив в эту версию.

– Буду смотреть! – пообещал я и рысцой кинулся к дверям, потому как уже серьезно опаздывал.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Я и архивная пыль

А пока я иду, вернее, бегу, в сторону ресторана, есть несколько минут, чтобы, познакомиться вас со мной. Или меня с вами.

Зовусь я Олег Языков. Отчество – Григорьевич. И, хотя загадочный Владислав Всеволодович называл меня по отчеству, за что ему отдельное человеческое спасибо, так меня почти никто не зовет. Олег и Олег. Хотя сорок пять уж скоро. Но на этот возраст я себя точно не ощущаю, а именование по отчеству на шаг приближает к гробовой доске. Так что побуду пока «Олегом».

Кстати, ударение в моей фамилии приходится на второй слог, вот так – Язы́ков. Сама же фамилия происходит от древнеславянского «язы́ки» – «народы». А не от какого-то там банального «языка», который надо держать за зубами.

Закончил я исторический факультет питерского университета. Случилось это прогремевшее в узких кругах событие в «лихие девяностые». Сразу по защите мною диплома друзья моего папы спросили у него: «А кем твой сын может теперь работать?». Папа мой, человек прямой, широких взглядов, ответил: «Да кем угодно. Хоть дворником, хоть продавцом шавермы».

Собственно, он оказался прав, и пару лет после окончания универа подобными вещами я и занимался. Альтернативой маячила работа учителем истории в школе. Но вот это – совсем не мое. Детей я люблю, но в небольших количествах и на относительно большом расстоянии. Когда их много, и они слишком близко, я теряю адекватность, самоконтроль и начинаю задабривать их подарками, как Санта-Клаус. Шутка. На самом деле, просто раздражаюсь. Да, такой вот я киндерофоб.

Даже с сыном Кирюхой у меня начало получаться хоть какое-то общение, когда ему стукнуло десять или одиннадцать. Не могу сказать, что мне с ним ах, как интересно, но бывает, что его детские, незамутненные жизненным опытом высказывания дают мне свежий взгляд на некоторые явления. Например, на его, Кирюхину, маму, и мою, соответственно, жену.

Промыкавшись пару лет на случайных заработках, я уже начал подумывать о смене профессии, только было не очень ясно, чем, собственно, заняться. В стране были востребованы банкиры и бандиты. По правде говоря, разница между ними была довольно эфемерной. Ни для того, ни для другого занятия я не годился категорически. Банкиры должны уметь считать, а бандиты – бить людей по лицу. Оба этих занятия всегда получались у меня из рук вон плохо. Такой вот я бесталаный. По математике у меня была твердая, как орех Кракатук, тройка, а то единственное занятие по боксу, которое я посетил в пятом классе, навсегда оставило в моем организме память в виде искривленной носовой перегородки.

Когда я почти отчаялся и готовился посвятить шаверменному бизнесу весь остаток жизни, мне повезло. Папиного однокашника поставили руководить РГИА, и меня, естественно, быстро пристроили под его крылышко. Работа в денежном плане, конечно, была не ахти, но зато

она была. И при этом, что немаловажно, позволяла трудиться по специальности. В те времена это можно было считать подарком судьбы.

Российский государственный исторический архив – это, на секундочку, крупнейший архив Европы. Вот так вот: не хухры вам мухры. Шесть с половиной миллионов единиц хранения! Большая часть российской государственной истории с конца восемнадцатого века до начала века двадцатого хранится здесь.

РГИА. Если вы не историк, вам сложно понять, какое это богатство. Ну, представьте себе, что Билл Гейтс подарил вам все свои деньги. Представили? Так вот – вы нищий по сравнению с профессионалом-историком, имеющим доступ в наш архив. Конечно, ни вы, ни историк не успеете воспользоваться своими богатствами. Жизни не хватит. Но историка в конце пути не будет мучить мысль, что он не может взять в могилу золотой «Роллс-Ройс». А вы ведь на деньги Гейтса непременно купите золотой «Роллс-Ройс». Большие халявные деньги всегда заканчиваются покупкой золотого «Роллс-Ройса». У вас просто не будет выбора.

А у меня по рукой, например, авторские рисунки и чертежи Воронихина. Что скажете, а? Что скажете о подлинных дневниках Кваренги, Монферрана, Растрелли? Да ничего вы не скажете. Ладно, отстану отстану от вас. Поедем дальше.

Попав в Архив, я какое-то время побегал по мелким поручениям. Попрыгал, как мячик, между отделами, пинаемый корифеями советского архивного дела, которые оттачивали на мне свое остроумие. В ходе этого броуновского движения я был замечен одной бодрой и деятельной старушкой, Кирой Карловной Штейн, начальником отдела информации и научного использования документов. Да, вот такое скучное название.

Что Кира Карловна нашла во мне, молодом оборMOTE, не знаю, но факт остается фактом. У есть одна версия. Была мадам Штейн такой старой, будто встретила юность еще в царской России. А, значит, она вполне могла ностальгировать по французским булкам и первому поцелую румяного гимназиста. Или поручика. Так вот, возможно, я ей и напомнил того самого гимназиста. Или поручика.

Несмотря на букет различных старческих заболеваний, включая пышно цветущий склероз, дело свое Кира Карловна знала туго, а активности ее могли бы позавидовать молодые антилопы. Преданность делу иногда оборачивалась довольно жесткой тиранией. Мадам Штейн любила документы больше людей. Это не значит, что к людям она относилась плохо, нет. Но документы она боготворила и считала их сокровищами из высших сфер. Поэтому нерадивый архивариус, будь он трижды милашкой и чаровником, не имел никаких шансов возвыситься в ее глазах.

Сотрудники у Киры Карловны делились на голубчиков и граждан.

– Голубчик (голубушка), принесите мне дело за номером одна тысяча пятьсот двадцать, – говорила она своим любимчикам. Говорила именно так, по-старорежимному: «за номером».

«Гражданами», вопреки гордому звучанию этого слова, назывались архивариусы неумелые и не испытывающие священного трепета перед старинными бумажками. Они припечатывались чем-то вроде:

– Гражданин такой-то, когда вы сдадите отчет по новым поступлениям в фонды?

У Киры Карловны я научился многому. Да что там «многому», почти всему. Как выяснилось, я сильно соскучился по настоящему делу.

На исторический я пошел, выражаясь высокопарно, по зову души. И учился почти на отлично. Последующие два года, проведенные на объектах дикой постсоветской торговли, привили мне стойкую аллергию к любым продажам вообще. Почему-то самой яркой, да и практически единственной картинкой, оставшейся в памяти из той жизни, был владелец уличной пивной точки Ахмед с неизменно торчащей из носа соплей. Он не сделал мне ничего дурного, даже платил относительно честно, но вот поди ж ты: запомнился именно таким. Более никаких следов торговля во мне не оставила.

Так что за работу в архиве я принялся почти с упоением. Говорю «почти», потому что мне, человеку молодому и с амбициями, хотелось красивую машину и много денег. А здесь было, мягко говоря, не то место для реализации подобных чаяний. Но, учтя свою несовместимость с миром большого капитала и неспособность стать талантливым банкиром-бандитом, я довольно легко смирил гордыню. Нет машины – и не надо. Здоровее буду. Ходить пешком полезно. Тем более, по таким красивым местам.

А архив наш размещался в местах красивых ослепительно: в здании Сената и Синода. На той самой Сенатской площади, где когда-то бузили декабристы. Представляете? Идешь ты эдак на работу. Тут – шпиль Адмиралтейства, тут – Медный всадник, вдали Исаакиевский собор виднеется. Вокруг толпы туристов, и наших, и чужих. Они заплатили шальные деньги, а потом долго-долго ехали, чтобы просто посмотреть на сие великолепие. Посмотреть, сделать много плохих фотографий из серии «я и башня, башня – слева» и уехать в свой китайский Мухосранск. А я гляжу на все это каждый день. Бесплатно. И мне не надоедает. А что я мог бы узреть из машины? Лишь миазмы современной российской действительности типа «куда прешь, козел» и радио «Шансон». Нут уж. Как говорил герой моего любимого фильма: «Спасибо, я пешком постою».

Но все хорошее когда-нибудь кончается. В 2006 году из здания на Сенатской нас выпер Конституционный суд, по башке им конституцией. Выпер, конечно, красиво: в ускоренном темпе было построено здание на Заневском проспекте, мол, архивы нуждаются в специальных условиях. И нас попросили на выход. Возможно и так, возможно и нуждаются. А я нуждаюсь в ежедневном Медном всаднике. У меня внутри приключилось прям таки физическое осиротение от этого переезда. Как будто из родительского дома меня забрали в дом казенный. Вот вспомнил сейчас, и опять расстроился.

Хочу немного понять. Приоткрыть, скажем так, покров над моей сверхценной идеей. Россия нынешняя вызывает во мне стойкое отторжение. Постоянно пребывая, по роду деятельности, в прошлом, читая в старых манускриптах о гигантах мысли и духа, которые жили когда-то на этой земле, невольно проникаешься грустной иронией по отношению к окружающей действительности. Что есть эта действительность? Что есть нынешний русский человек? Он есть вечная борьба за существование и пародия на великих предков. Пародия неостроумная и бессмысленная. Я сам такой же, и от этого еще более противно.

Нынешний русский может быть богатым или бедным, чиновником или бомжом, но это не уберегает его от пошлости. Пошлость царит во всем: в одежде, словах, мыслях. Даже россий-

ские современные здания пошлы и вторичны по отношению ко всяким там америкам. И живем мы в этих недонебосребах, почитая такую жизнь за великое счастье.

У меня есть давняя мечта. Мечта голубая, поскольку абсолютно нереализуемая. Я хочу уехать. Остап Бендер мечтал о Рио-де-Жанейро, но это глупость. Там другие люди с другими latinoамериканскими мозгами. Если уезжать, то в Европу. Для себя я выбрал Португалию. Говорят, там наименьшая концентрация русских на единицу площади. А еще море, солнце и свежие мидии. Но думать об этом я себе не разрешаю. У меня есть какая-никакая семья, и нет денег. Во всяком случае, таких, чтобы их хватило на переезд. Да и с португальским у меня не очень. А в Португалии с семьей и без денег делать нечего. Впрочем, как и везде, кроме нынешней моей Родины. Эх...

Ладно, вернемся к недавнему прошлому. Через пару лет после переезда архива я стал заместителем начальника отдела. Отдел возглавляла уже, конечно, не Кира Карловна, она покинула этот бранный мир еще в двадцатом веке. Не дожидаясь варварского переезда на Заневский. Может, и к счастью.

А замещал я Зою Павловну Жуковскую. Да, она была прямой родственницей того, на кого вы подумали. Ах, ни на кого не подумали? Хорошо, пусть будет Пушкина, так проще. Дальней родственницей Пушкина она была. Потому что Пушкин – наше все.

Зоя Павловна обладала тремя замечательными «не»: она была немолода, незла и неглупа. В добавок являлась на всю голову православной. Эти качества делали наше с ней сосуществование практически идеальным. От основной работы я не отлынивал, но выполнял ее на уровне минимальной приемлемости. При этом с некоторых пор я перестал демонстрировать карьерные поползновения, справедливо полагая, что должность руководителя отдела лишит меня свободы маневра и побочных заработков. Зоя же Павловна, ценя отсутствие с моей стороны попыток занять ее кресло, давала мне возможность дышать свободно.

– Друг мой, – говорила она, – я понимаю вас. Вы молоды и вам нужно кормить семью. Прошу лишь об одном: помните о своем рабочем долге.

И я помнил. Но себя тоже на забывал. Любая профессия, если делать ее всерьез и вкладывать хоть немного сердца, через некоторое время способна начать приносить дивиденды. Так случилось и у меня. Нет, богачом я не стал, но на сиюминутные нужды вполне хватало.

Чем же я занимаюсь? Ничего глобального, на самом деле. Частные заказы на поиск документов, чаще всего – родословные. Реже – исторические расследования для газет. В общем, разное случается. Говорят, у меня есть нюх. В узких кругах, чего скрывать, я широко известен. Имею довольно серьезную репутацию. Так что сегодняшней звонок не сильно меня удивил.

Но тут – бам! Плавное повествование мое должно разбиться о непреодолимое препятствие – о двери ресторана «Загреб». Я дошел. То есть, почти добежал. В мыле, но вовремя. Эти люди-хронографы опозданий не прощают.

О моей работе потом как-нибудь дорасскажу, при случае.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Настоящий олигарх

В дорогих ресторанах я бывал несколько раз, клиенты приглашали. В том числе и иностранные. Эти, кстати, деньги считают гораздо лучше наших. Наш, он либо скряга до сердечного изумления, либо рубаха-парень, широкая душа. Середина – редкость. Не знает наш человек меры.

Человек «оттуда» бережлив. Он потратит ровно столько, сколько нужно для дела. Для его дела. Положит сверху чаевые, размер которых всем заранее известен, и все. Ни тебе порыва, ни тебе «совершать глупости» и «лазать в окна к любимым женщинам». Так что клиента я больше люблю нашего, отечественного. Он прибыльней. Хотя может и надуть.

Возвращаясь к теме дорогих ресторанов: их я не жалею. Можете считать это комплексами или чем угодно еще, но мне искренне претит все, выходящее за рамки здравого смысла. Ну, никак мне не понять, как несколько кусков еды, далеко не всегда вкусной, могут стоять, как половина компьютера.

«Загреб» был для меня чуть менее отвратителен, чем другие заведения высокой кухни. Сказывалось соседство: годы, проведенные рядом, сделали нас почти родными. Да и запахи оттуда, как упоминалось, исходили приятственные. Человеческие. Не в пример другим помпезным местам.

Даже швейцар у дверей меня не встретил, потому как никакого швейцара попросту не было. Это меня тоже порадовало. Не люблю я раболепства. Я – демократ.

Вместо швейцара меня встретила дама-метрдотель, явно опытная как в профессиональном, так и во всех остальных планах. Глядя на нее почему-то сразу складывалось такое впечатление.

– Здравствуйте... – начал я и замялся. Ресторан большой, как спросить про моего клиента – неясно.

– Здравствуйте, – профессионально-дозированно улыбнулась дама, – вы – господин Языков?

– Так точно, – облегченно выдохнул я. Звукам этого бархатного голоса хотелось повиноваться сразу и не рассуждая. Думаю, скажи она: «Вы Иванов?», я ответил бы «да» с не меньшим энтузиазмом.

– Прошу за мной, вас ждут, – произнесла обольстительница, сделав такой величественный жест рукой, как будто приглашала меня вступить во владение наследным замком. Потом развернулась и походкой Клеопатры, завлекающей Цезаря в свои сети, направилась в глубину залов. Я, созерцая, последовал за ней.

В интерьере «Загреба» ощущалось спокойное, уверенное и неброское богатство. Каждый стул стоил, наверное, три моих зарплаты. Возможно, пять. Плавно плывущая впереди корма Клеопатры и ноги ее, подобные нефритовым колоннам (кошмар, пошлость какая!), гармонично вписывались в окружающее пространство. Они, ноги эти, казались спроектированными тем же дизайнером, что и другие детали «загребского» интерьера.

Наконец, мы добрались до массивных, покрытых резьбой, дверей. Дама открыла их и доложила кому-то, мне пока невидимому:

– Господин Языков, – и посторонилась, оставив в проеме часть своего богатого бюста.

Я, чувствуя себя просителем, дождавшимся наконец приема сиятельного князя, вошел в кабинет.

Мне нравятся люди, которые не несут в себе сюрпризов. Эдакие предсказуемые, без изюминки, индивидуумы. Ты видишь их в первый раз, а знаешь о них, кажется, все. Или почти все. С ними просто. С ними всегда понятно, как себя вести, что говорить, о чем молчать. Это удобно.

Владислав Всеволодович не разочаровал. Прямой, как дуло пулемета, в костюме мышинного цвета, он в точности соответствовал образу, сложившемуся в моих девичьих мечтах. Да, именно такой и мог сказать «в девятнадцать ноль-ноль». Этот по-другому сказать просто не умеет. Настоящий олигарх. Счетовод. «Хронограф».

– Здравствуйте, Олег Григорьевич, – сказал предсказуемый человек, приподнявшись из-за стола и став даже в таком, полусогнутом, состоянии на полголовы выше меня.

– Здравствуйте, Все... Владислав Всеволодович.

Обменялись рукопожатием. Рука его оказалась неожиданно вялой, как будто я сжал в ладони замоченную на котлеты булку.

Сели. Официант раскрыл передо мной меню, тяжестью своей превосходящее многие хранящиеся в нашем архиве фолианты.

Как говорил Винни-Пух: «длинные слова меня только расстраивают». Вот и меня расстраивает чтение названий блюд, в которых я ни пса не смыслю. Но на этот случай у меня имеется четкий порядок действий. Поизучав меню с видом эксперта, я обычно заказываю греческий салат и стейк. Да-да, средней прожарки, будьте добры. А салат без лука, да. Подобная уловка обычно ограждает меня от всех этих «не изволите ли свежайших устриц» или «есть великолепный консоме, еще теплый, прямо из города Парижу». Говорю же, я демократ, и все эти великосветские сложности мне чужды.

– Что будете пить? – задал неожиданный вопрос официант. Нет, вопрос был, конечно, ожидаем, просто в суматохе я не успел подготовиться.

– Пиво, пожалуйста, – сказал я первое, что пришло мне в голову. И зачем-то добавил: – Безалкогольное.

Официант и Владислав Всеволодович одинаково странно взглянули на меня, но тут же отвели взгляды, как бы устыдившись своего интереса к чужому убожеству. Официант отправился выполнять мою прихоть, и, судя по времени его отсутствия, за безалкогольным пивом ему пришлось бежать в ближайший супермаркет. Ничего, пусть расширяют ассортимент. Народ нынче капризен. От «божол» нос воротит.

После того, как формальности с меню закончились, я вопросительно взглянул на олигарха: мол, к делу? Тот посмотрел на часы (предсказуем, предсказуем до самой последней детали) и молвил:

– Извините, Олег Григорьевич. Нам придется подождать еще несколько минут.

Меня, честно говоря, стала немного доставать эта детсадовская загадочность. Обычно так начинаются дешевые триллеры. К герою, ничем непримечательному человеку, канцелярской, можно сказать, крысе, приходит таинственный незнакомец. «Ты избранный, – говорит он. – Только ты можешь убить Дона Волана, воплощенное вселенское зло!» «Нет, нет, только не я, – кричит герой, – я же обычная канцелярская крыса». «Это прекрасно! – восклицает незнакомец, хохоча и распуская огненные крылья. – Значит, ты замечательно владеешь гусиным пером, а это единственное оружие, которого боится мерзкий Дон Волан, а поэтому...»

Додумать этот захватывающий сюжет мне помешала открывшаяся дверь. Новый человек попытался проникнуть в кабинет столь стремительно, что ему пришлось буквально протискиваться между косяком и не успевшим отодвинуться бюстом метрдотеля. Оба, и бюст и человек, получили от этого явное удовольствие.

Кабинет был достаточно велик, и, пока новоявленный персонаж шел к столу, я успел его разглядеть. Маленький, сильно меньше среднего роста. Слегка полноват. Чуть, пожалуй, моложе меня. Почти лысый, но не по нынешней моде, а по естественному состоянию организма. Рыже-белес, но без веснушек. Улыбчив. В движениях стремителен. Одежда почти столь же демократична, как моя, только значительно дороже: белый свитер из тонкой шерсти, джинсы. Ботинки стоят целое состояние, в этом я немного понимаю. Часы соответственно, тоже.

Подойдя к столу, человек протянул мне руку и сказал, изящно, на ленинский манер, грассируя:

– Здг'авствуйте. Николай Чувичкин.

Потом он повернулся к подобострастно вскочившему при его появлении «Хронографу»:

– Спасибо большое, Сева. Ты на сегодня свободен.

Величественный Владислав Всеволодович раболепно искривил, насколько мог, свой негибкий стан и с несвойственной ему поспешностью покинул залу.

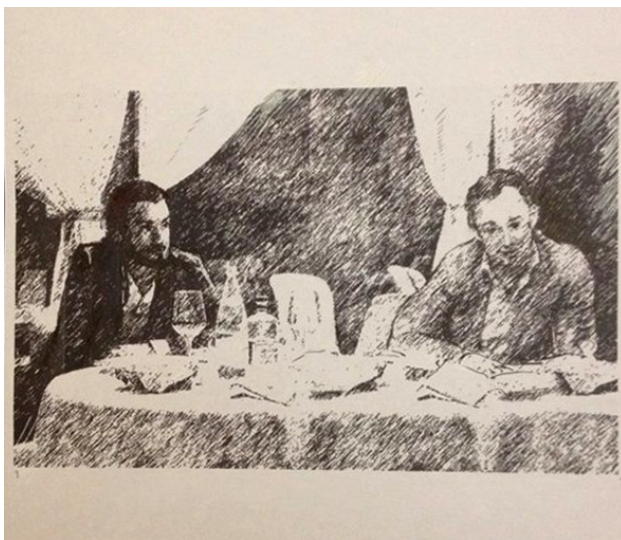
Мы остались с настоящим олигархом вдвоем. Я вдруг понял, что не испытываю к нему никакой классовой ненависти. Даже наоборот, он мне весьма симпатичен. Чувичкин, надо же. Как, интересно, ему живется с такой фамилией?

– Можно я буду называть вас пг'осто Олег, без отчества? – спросил Чувичкин.

«Ага, а я тебя – Коля. Интересно, почему маленькие и толстые часто картавят?» – подумал я. А вслух сказал:

– Конечно, нет проблем.

И все-таки я настоящий, всамделишный и непритворный демократ.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Профессионалы

Посидели, помолчали, поприсматривались друг к другу. Как заинтересованная сторона, начал Чувичкин.

– Олег, я надеюсь, мы оба пг'офессионалы, каждый в своей области, конечно. И мне не нужно пг'едупреждать вас, что все, о чем мы будем говог'ить, не должно покинуть пг'едылы этих стен.

Я изобразил всем организмом движение, которое с языка тела лучше всего переводилось как «можете даже не говорить об этом». У меня складывалось четкое убеждение, что я говорю с ожившим Владимиром Ильичем. Грассирование, улыбка, знакомый с детства прищур. «Самый человечный человек». Мне немедленно захотелось поставить Николая на бг'оневичок.

– Пг'екгасно, – сказал олигарх, – тогда к сути.

Суть дела сводилась к следующему. Николай Чувичкин в настоящий момент его жизни был хозяином заводов, газет и пароходов. Управляемый им холдинг со сложным названием («интер», «транс» и что-то еще столь же маловнятное), имел очень много денег. Но хотел бы иметь еще больше, чтобы уж совсем было некуда девать.

Специалисты по развитию бизнеса хлеб свой ели не зря и нашли партнеров, с которыми имелась возможность заключить умопомрачительные контракты. Настолько интересные, что потом можно было бы расслабиться на долгие-долгие годы. И даже потомки олигарха оказались бы обеспечены до самого апокалипсиса, когда бы он ни наступил. Потенциальная партнеры были французами, а во главе компании стоял некий Огюст Ренье.

«Ну, тебе, с твоей картавостью с французами дело иметь – самое оно. У них язык подходящий», – подумал я.

Взаимные интересы у нашей и французской компаний имелись, но существовала одна загвоздка. У холдинга Чувичкина наличествовали сильные конкуренты, которые также метились на французские контракты.

Непрерывные мозговые штурмы лучших умов холдинга, а также данные коммерческой разведки (куда ж без нее) показали, к сожалению, полный паритет конкурирующих компаний. «К сожалению», потому что было совершенно непонятно, за что зацепиться, чтобы выиграть забег.

И тут пришла крайне интересная информация. Оказывается, француз Ренье имел необъяснимую слабость к России. По этой причине он имел тесные, как деловые, так и личные связи с домом Романовых в изгнании, ряд представителей которого, как известно, живёт во Франции. И тут кого-то из светлых умов озарило: если люди из дома Романовых замолвят словечко, то это может стать той каплей, которая склонит чашу весов на правильную сторону. Только

нужно, чтобы переговоры о контрактах вел человек дворянского происхождения. В идеале, это должен быть владелец холдинга.

– То есть, я, – резюмировал олигарх.

Мне стало дурно. Я долго живу на свете, и еще дольше работаю в архивном бизнесе (чувствуете, как круто звучит: «в архивном бизнесе»). Опыт, как говорится, не пропьешь. Поэтому мне стало совершенно очевидно, что будет дальше. А дальше меня попросят нарисовать документы, подтверждающие существование древнего княжеского рода Чувичкиных. Князь Чувичкин. Это была катастрофа!

Видимо, страдания мои отразились на лице. Или Николай, как всякий крупный бизнесмен, оказался неплохим психологом. Он с улыбкой покачал головой:

– Нет, Олег, все не так плохо, как вы думаете. Для того чтобы нарисовать какие-то там липовые документы, мне не нужен специалист вашего уровня. Это может сделать любой студент с помощью вог'ованного «фотошопа».

Я приподнял бровь в знак согласия: да, у специалистов моего уровня «фотошоп» уж точно не ворованный. Меня слегка отпустило. Подделкой документов я принципиально не занимаюсь: не мой профиль и не мой масштаб.

– Мне не нужна «липа», – продолжил олигарх, – мне нужна пг'авда. Поэтому я пг'едлагаю вам изучить мою г'одословную и доказать мое двог'янское пг'оисхождение.

«Это невозможно! – закричал весь внутренний я, – Этаких дворян не бывает. Такая „годословная“ – явная фентези!»

Крик мой внутренний был, видимо, столь громок, что, отразившись от дубовых сводов «Загреба», достиг ушей Чувичкина.

– Олег, – еще шире улыбнувшись, сказал он, – не пугайтесь вы так. Я все-таки адекватный человек.

Из дальнейшего выяснилось, что да, все-таки немножко адекватный.

Судьба отца олигарха была покрыта мраком неизвестности. Мать, Софья Петровна, которая не так давно умерла, ничего про него никогда не рассказывала. Фамилия Чувичкин досталась олигарху от отчима, усыновившего маленького Николая. Прожил он с матерью недолго: несчастный случай, попал под машину. А вот девичья фамилия Софьи Петровны была Буженина. И происходила она из Разумного. ПГТ.

– Кто разумный? – переспросил я озадаченно.

– Поселок, – повторил будущий дворянин, – поселок Г'азумное, Белгг'одской области.

Род дворян Бужениных был известен не только в этом поселке, но и в столице. Владимир Федорович Буженин, числивший Разумное своим родовым именем, был пламенным мецена-

том и дослужился до должности тайного советника, что для провинциального помещика являлось карьерой почти невозможной.

Я подпер щеку рукой, приготовившись долго и с умилением слушать эту повесть временных лет, но Чувичкин неожиданно подвел черту:

– В общем, Олег, эти сведения общедоступны, но больше у нас нет ничего. Дальше нужно искать факты. А к этим фактам – неопг'овег'жимые, железобетонные доказательства. Чтобы у конкуг'ентов, как бы они ни стаг'ались, не осталось никаких шансов уличить меня в обмане. Что скажете?

Что я скажу, что я скажу? Дело было для меня ясным и вполне привычным.

– Господин Чувичкин, – сказал я голосом отца, решившего наконец рассказать подростку сыну, откуда берутся дети, – вы правы, это действительно мой профиль. Дело вполне подъемное. Правда, вы должны понимать, что, даже при самой добросовестной работе, исхода может быть три: положительный, отрицательный и нулевой.

– Я пг'имерно понимаю, о чем вы, – сказал олигарх, – но все же пг'ошу г'асшифг'овать.

– Положительный исход, – начал я терпеливо, – заключается в том, что я нахожу нужные вам сведения. Бесспорные и подтвержденные документами. Отрицательный – доказательства тоже находятся, но они свидетельствуют об обратном. И нулевой – мы не находим ничего.

– Такое бывает часто?

– Конечно. Вы представляете, сколько документов, даже если они и были, пропало во время разных исторических катаклизмов – войн, революций?

Чувичкин на минуту задумался.

– Хог'ошо, – сказал он, – Мне все г'авно нужно отг'аботать все ваг'ианты.

Он так и сказал «мне все г'авно», клянусь. А я даже сумел не рассмеяться.

– Тогда так, – я перешел на деловой тон. – Где-то в течение пары недель я найду выходы на людей в Белгородских архивах. Дальше – дело техники. Если то, что вы рассказали, не простое совпадение, и, если документы вообще существуют в природе, через полтора-два месяца они будут у вас на руках.

Олигарх посмотрел на меня глазами пожилого бассета.

– У меня нет двух месяцев, Олег. У меня есть неделя. Максимум две.

– Это абсолютно невозможно, – не раздумывая, отрубил я. – Сидя здесь, за неделю я даже нужные контакты не найду.

– Конечно, не найдете. Поэтому вам нужно поехать на место.

– На какое место? – спросил я, понимая, что услышу.

– В Г'азумное, – не обманул ожиданий Чувичкин.

Честно говоря, я иногда поражаюсь наглости людей. И даже завидую. Видит меня в первый раз, я ему ничем не обязан, а он распоряжается моим временем так, как будто имеет на это полное право. И ладно бы поездку на Мальдивы предложил. Или хотя бы в Крым. Так нет же – Разумное. Абсурд какой-то, чесслово.

– Господин Чувичкин, – спокойно, как при разговоре с сумасшедшими, сказал я, – боюсь, это совершенно невозможно. В ближайшие недели я очень занят на работе. Сезон, знаете ли.

Какой у нас сейчас на работе «сезон», я и сам не знал. Но звучит подобное утверждение убедительно. Туроператоры знают.

– Ах да, – вдруг спохватился олигарх, как будто не слыша мои отдающие арктическим холодом слова, – мы же не обсудили ваш гоног'аг». Если вы найдете доказательства моего двог'янского пг'осхождения, я заплачу вам сто тысяч.

Сумма, конечно, солидная. Обычно подобные заказы стоят дешевле. Но моральные издержки! Разумное!

– Сто тысяч доллаг'ов, Олег.

– Простите, – сказал я внезапно севшим голосом, – а не могли бы мы заказать водки? – и добавил на всякий случай:

– Алкогольной.

Ну, здравствуй, Португалия. Ты близка, как никогда.

Водку принесли гораздо быстрее безалкогольного пива. Видимо, продукт этот пользовался в «Загребе» популярностью. Залпом опрокинув немаленькую, грамм на пятьдесят, рюмку и закусив соленой горькушкой, я обрел способность рассуждать здраво.

– А если результат будет нулевой? Или отрицательный? – спросил я.

– В этом случае я заплачу ваш обычный гоног'аг», но в тг'ойном г'азмег'е. Ну, и все г'асходы по поездке, г'азумеется.

Это тоже было неплохо. Очень неплохо. Но о Португалии можно забыть.

Увидев мое скусившееся лицо, Чувичкин грустно улыбнулся:

– Я понимаю, Олег, специфику вашей г'аботы. Я также понимаю, что искать вы будете на совесть. Г'епутация и все такое. Но и вы поймите меня. Ставки настолько высоки, что мне нужно вас заинтег'есовать. Заинтег'есовать так, чтобы вы понимали: подобного шанса в жизни у вас больше не будет.

– Я согласен, – решил я.

Через два часа мы, в дымину пьяные, сидели на диване.

– Олежик, – заплетающимся языком говорил будущий дворянин Чувичкин-Буженин, – как я тебе завидую. Ты – свободный человек. У тебя не болит голова обо всех этих активах, пассивах, дебетах, кг'едитах и прочей хг'ени.

– Коля, – проснулось вдруг во мне пьяное суетливое беспокойство, – а сколько времени? Ресторан не закроют?

– Какое зак'оют, Олежик, – отвечал Коля, – кто?

– Клеопатра.

– Кто? – ошалело переспросил Чувичкин.

– Ну, эта, как ее, – и я показал руками примерный размер груди метрдотеля.

– А, – понял Николай, – не, не зак'оет. Нет у нее таких полмо... полко... полномочий. Это ж мой г'есторан, – и дико захохотал.

Захохотал и я.

Потом мы пели под караоке советские песни. «Взвейтесь кострами, синие ночи», «Мой адрес – Советский Союз», «На дальней станции сойду». Эту, последнюю, спели три раза, так как олигарх утверждал, что песня обо мне. О моей поездке.

Полностью охрипнув, мы вышли на улицу. Николай изображал вождя революции и орал на весь Заневский остатками голосовых связок:

– Вег'ной дог'огой идете, товаг'ищи! Надо захватить почту и телег'аф! Впег'ет, на Зимний!

Затем Чувичкин решил довезти меня до дома. Причем сам. С этой целью он попытался отобрать ключи у появившегося из ниоткуда шофера, габаритами напоминавшего легендарный танк Т-34. Габаритный шофер улыбался, но ключи не отдавал. Олигарх собрался было начальственно нахмуриться, но тут я принял решение и сказал заплетающимся языком:

– Коля, мне рядом, я проветрюсь. Спасибо за вечер.

– Олежик, тебе спасибо, – едва не прослезился Чувичкин, – я давно так не отдыхал. Не забудь, у тебя завтра поезд.

– Пока помню, – успокоил я.

Купил у метро бутылку пива и отправился домой. По дороге пытался размышлять. Сегодняшние события внесли немалый сумбур в упорядоченную схему моей жизни. И неожидан-

ная возможность эмиграции здесь была важна, как и мысль, что я получил реальный шанс получить полную свободу от сковывающих меня семейных уз.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Спи, моя Светлана

Утро было предсказуемо тяжким. Света попыталась затеять скандал, но когда я выложил перед ней пятьсот долларов (чувичкинский задаток, хорошо хоть, не потерял по дороге), она закрыла рот рукой и бессильно опустилась на стул.

Дело в том, что некоторое время назад, когда жена в очередной раз начала донимать меня вопросами, где бы взять деньги на какую-то ненужную, на мой взгляд, ерунду, я ответил, что в ближайшее время планирую подломить расположенный в нашем доме пункт обмена валюты. С тех пор Светлана постоянно ехидничала на эту тему: мол, когда уже? Почему, мол, в криминальной хронике нет соответствующих сообщений, а у нас новой квартиры? Так что, увидев нерусские деньги, мысль Светы двинулась в единственно возможном направлении: все, доигрались. Сгорел Олежка. Впереди Бутырка, передачи с теплыми носками, напильник в батоне, «на черной скамье, на скамье подсудимых».

Меня Светино заблуждение устраивало: оно сбивало эмоциональный накал, вызванный моим вчерашним, мягко говоря, несвоевременным возвращением. Вернулся я около четырех ночи. Нельзя сказать, что раньше такого не случалось, но бывало это больше по молодости. В последнее время я как-то остепенился, и она отвыкла.

Поэтому я не сразу развеял ее заблуждение. Но когда все же развеял и намекнул, что мы, вероятно, сможем позволить себе в ближайшем будущем не очень дорогую машину, в нашей квартирке была разыграна сцена радости и обожания мужа-добытчика. Разыграна, надо сказать, так себе. Техника была хороша, но артистизм подкачал. Хотя мне был приготовлен царский завтрак, чего не случалось уже довольно давно.

Если бы я был литератором, то сказал бы, что чаша моей семейной жизни в последние годы дала трещину. Но, не будучи таковым, скажу лишь, что наши отношения с женой крайне натянуты. И это – мягко говоря.

Сложно сказать, с чего все началось. Наверное, как и все в этом мире, с начала.

Жизнь наша с момента женитьбы строилась на принципах «невозвратности»: Света меня любила, а я ее – нет. Возникает вопрос. Но я на него не отвечаю. Женился – потому что женился. Так сложилось. Как-нибудь потом расскажу.

Притирались долго. Жена очень болезненно реагировала на мою язвительную манеру общения. А я не видел причин вести себя иначе. За этой манерой, на самом деле, не стояло ничего особенного. Просто я пытаюсь относиться к жизни легко. С иронией. А люди не всегда понимают. Они считают, что мои шпильки направлены против них. Обижаются. Обижалась и Света.

– С тобой невозможно говорить серьезно, – кричала она, когда ей хотелось устроить сцену, а не получалось. Не получалось, потому что я выщучивал любую попытку эмоционально накалить наш быт.

– Это же хорошо, – отвечал я. – Разве тебе хочется жить с хмырем?

– Лучше с хмырем, чем с шутом, – парировала жена и уходила плакать.

Примерно через час я дежурно извинялся. Не потому, что считал себя виноватым. И не потому, что меня как-то трогали ее слезы, их я считал пустой водой и здоровой психологической разрядкой. Извинялся, так как где-то прочитал, что просить прощения должен более умный. А умным я быть люблю.

Света, несмотря на «дежурность», извинения принимала. Пребывать в состоянии конфликта она не умела. Это, по ее словам, «лишало ее жизненных сил». «Через постель», кстати, мы никогда не мирились. Не принято было как-то.

Но, в целом, мне казалась, Света довольна супружеством. Нас двоих я худо-бедно обеспечивал, что позволяло ей работать sporadически и в свое удовольствие. На сторону открыто не ходил. Телефон с смсками фривольного содержания повсюду не разбрасывал. С тестем и тещей был почтителен, благо жили вместе мы недолго и не успели в достаточной степени пропитаться взаимной ненавистью. А что еще нужно женщине, правильно? Кто сказал «душевное тепло»? Тут уж извините. Это какой-то идеализм. Жизнь, она и сложнее, и грубее одновременно. И тепла в ней немного. Самому бы не замерзнуть.

Детей у нас не было долго. По разным причинам. Сначала хотели «нагуляться», потом не получалось. Шатались по врачам, грохнули уйму денег. Желание завести ребенка превратилось у Светы в своего рода навязчивую идею. Ни говорить, ни думать на другие темы в тот период нашей жизни она не могла. Меня тошнило от вида таблеток на прикроватной тумбочке, измерения ректальной температуры, любви по часам и прочих прелестей современного «планирования семьи». Тогда я впервые поймал себя на мысли о том, что одинокая жизнь для человека такого склада, как я, подходит значительно больше семейной.

А потом вдруг родился Кирилл. Зачат он был вне всякой медицинской логики, в «неправильный», по Светиным подсчетам, период, во время поездки к друзьям на дачу. Мы тогда слегка перебрали с алкоголем, ударились в романтизм, что бывало с нами крайне редко, и вступили в связь вне графика, предписанного докторами. И вот на тебе – Кирилл. Чудны дела Твои, кто бы Ты ни был.

Несмотря на закоснелые общественные стереотипы, я всегда хотел дочку. Девочка, она же к отцу тянется, его любит, холит и лелеет. А мальчик использует папу лишь как автомат для выдачи игрушек, механизм для участия в играх и универсальный справочник при подготовке домашнего задания. Так мне казалось. Поэтому радость моя по рождению мальчика была умеренной, хотя и искренней. Да и она длилась недолго.

Бессонные ночи, Светина раздражительная усталость и усугубившаяся хаотичность бытия привели к появлению в моей жизни Оксаны. Тут все по классике. Стажировка в нашем архиве очаровательной, но неопытной выпускницы универа. Мудрое и чуткое руководство в моем лице. Робкие полувзгляды. «Отрыв и падение». Роковую роль сыграло наличие у Оксаны однокомнатной квартиры и отсутствие в вышеозначенной квартире каких-бы то ни было соглядатаев, кроме сибирского кота по кличке Аристотель.

Давайте отдадим мне должное. В отношениях с Оксаной я никогда не тешился иллюзиями о неземной любви. И ее не тешил. Бл... ство, оно бл... ство и есть, как красиво его не назови. Бегство от проблем. Бегство от себя. От жизни. Но что поделаешь, мы лишь слабые люди, нам простительно. Во всяком случае, я себя извинял достаточно легко.

Оксане тоже, хвала Перуну, не требовался я целиком. Ей нужны были лишь мой зрелый сексуальный опыт, да гарантированное место в нашем богоугодном учреждении. То и другое она получила, а потом мягко свела наши отношения на нет. На работе даже сплетни не успели распространиться, что редкость при служебных романах.

Как ни странно, я вздохнул с облегчением. Тянуть на себе молодую семью и молодую любовницу оказалось очень обременительно.

Кирилл подрастал, и неожиданно я обнаружил, что не так уж это плохо – быть отцом. На свете, как выяснилось, есть человек, который всегда рад моему появлению, вне зависимости от моего душевного и физического состояния. Человек, который нуждается во мне. С которым, за игрушками, книжками и мультиками, я могу вернуться в забытое детство.

А жена моя изменилось, и сильно. Создавалось ощущение, что, с рождением сына, она обрела уверенность в себе и вообще утвердилась в этом мире. Во всемирной паутине есть такой термин: «яжемать». Применяют его обычно к теткам, готовым оправдывать собственный эгоизм и глупость наличием у них малолетнего ребенка. Нечто подобное я начал замечать и в Светлане. Женщиной она была неглупой, но противостоять пропагандируемому со всех сторон лозунгу «дети – главное в жизни» не нашла в себе сил. Следуя материнскому инстинкту, так, как она его понимала, Света резко увеличила требовательность к окружающим. Окружающими в большинстве случаев оказывался я.

Начались истерики. Почему, мол, мало зарабатываю. И почему, мол, мало времени провожу дома. Сложить два плюс два и понять, что больше зарабатывать и сидеть дома одновременно мужику невозможно, она не могла. Или не хотела. Это же так удобно: всегда иметь повод для скандала. Либо один, либо другой. Либо третий.

Третьим поводом стала ревность. Ревность необоснованная, потому как Оксаны к тому времени уже не было, а редкие и мимолетные мои интрижки не оставляли следов ни в моей душе, ни на теле, ни в телефоне. Именно тогда я получил по голове Большой Советской Энциклопедией. Хорошо не сразу всей, а только вторым томом. Иначе мог бы поучаствовать в конкурсе «Человек, которого убила книга». Посмертно.

Поводом стал звонок коллеги из другого города. Я был в ванной, и Света взяла трубку. Услышав женский голос, жена моя мгновенно утратила разум, и, наговорив звонившей даме кучу гадостей, нажала отбой. Потом из ванной появился я и был встречен упомянутой Энциклопедией.

Ангелина Павловна Федина, принявшая на себя удар Светиной оскорбленной добродетели, жила в городе Саратове и была шестидесяти шести лет отроду. Да, голос у нее был журчащим и молодым. Да, в телефонной книге она значилась у меня, как «Ангелина». Ну, и что с того? Разве взрослый разумный мужик будет записывать любовницу под именем «Ангелина»? Это же какая-то немыслимая глупость. «Юра Сантехник» – вот удел всех любовниц в телефонной книге. Но с логикой Светлана не дружила давно.

Он не успокоилась, даже когда я предложил позвонить любому из моих со-архивцев и по громкой связи спросить, кто такая «Ангелина». Не успокоилась, даже когда я показал страничку в интернете, посвященную Ангелине Павловне, ученому с мировым именем. Даже когда я просто извинился, непонятно, правда, за что.

Тогда я пришел к неутешительному выводу, что жена моя – дура. И во второй раз задумался о разводе, теперь уже серьезно. А что бы вы делали на моем месте? Я не святой, чтобы терпеть и благословлять, благословлять и терпеть. И ребенок меня не держал. Я не настолько сентиментален.

И тогда же я подумал, что лучшим вариантом после развода был бы отъезд из страны. Жечь мосты, так сразу все. И начинать с чистого листа. Именно тогда в мечтах моих замаячила Португалия. Впрочем, уйти из дома можно было в любой момент.

Удерживало меня до сей поры лишь странное ощущение, что перед Светланой я в чем-то виноват. Ощущение это жило где-то глубоко, и знать о себе давало редко. Но при мыслях о разводе оно неизменно выходило наружу. В чем моя вина, я понимал смутно. Когда-то я прочитал, что каждый из нас виновен в нелюбви. Вот и я, видимо, был виновен в нелюбви к своей жене. В искренней и непритворной нелюбви.

Света вряд ли догадалась о моих размышлениях. Но, видимо, как любая женщина, все чувствовала. И отношения наши стали предельно формальными. Мы зажили параллельной жизнью. Нет, внешне все выглядело, как прежде. Те же скандалы, те же примирения, те же завтраки и ужины. Но из общения нашего ушла жизнь. Пусть нелегкая, пусть корявая, но какая-то... настоящая.

Теперь же у меня появилась реальная возможность разрубить все узлы разом. Спасибо тебе, олигарх Чувичкин, за этот шанс.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Мечта филателиста

На выходе из квартиры я был остановлен непреодолимым препятствием: вчерашним танкообразным чувичкинским шофером. Он, улыбаясь, как белый медведь, высматривающий в воде тюленя, вручил мне красивую кожаную папку и предложил подбросить до работы. Я бы, безусловно, согласился, головка после вчерашнего была бо-бо, а по организму бродила похмельная тревога. Но у меня имелось небольшое дело. Поэтому, вздохнув, я отказался. Тогда шофер протянул мне трубку, из которой раздался бодрый голос Чувичкина:

– Олег, как здог'овье?

– Спасибо, жив пока.

– Гена, водитель, пег'едал тебе папку. В ней, кг'оме остального, лежат письма. Писал какой-то Плойкин, мама с ним выг'осла в Г'азумном. Я, когда после ее смег'ти бумаги г'азби-г'ал, вот, нашел. Там ничего особенного, собственно. Но глянь, авось, чем поможет.

– Спасибо, посмотрю.

– Ну, все, хог'ошей тебе поездки. У тебя – неделя, максимум две, помнишь, да? «На дальней станции сойду...», – пропел олигарх и повесил трубку.

«Еще издевается, зараза, – подумал я. – Ну, ничего, за такие деньги и потерпеть можно».

По дороге на работу я забежал в фирменный парфюмерный магазин. Это и было мое маленькое дело. Если хочешь появляться на службе реже, чем это дозволено трудовым кодексом, надо активно дружить с руководством. И знать его вкусы. Вкусы своей непосредственной начальницы, Зои Павловны Жуковской, я знал назубок. Духи, крем ночной-дневной, шоколад и так далее. Она – женщина в самом соку, ей надо за собой ухаживать. Хотя я, честно говоря, совершенно не понимаю смысла этой фразы. В каком соку? При чем тут сок? Когда слышу это выражение, у меня возникает ассоциация с бычками в томате. А Зоя Павловна не была похожа на бычка, тем более в томате.

Затарившись всем необходимым, я добрался до родного архива. Жуковская, как всегда, была на месте и, как всегда, укоризненно посмотрела на меня: опаздываете, мол. В ответ я лишь виновато-обреченно пожал плечами: мол, ничего не поделаешь, такова она, жизнь, чтоб ее. Опаздывал я часто, ритуал повторялся почти ежедневно и практического смысла не имел. Мы так здоровались.

О том, что в ближайшую неделю я буду отсутствовать на службе, с Зоей Павловной мы договорились быстро. Парфюмерия и шоколад безошибочно попали в центр ее большого женского сердца. Тем более, в этот раз я наступил на горло своим принципам и оформил отпуск за свой счет. Так что даже формального повода не отпустить меня у Жуковской не было.

Обычно перспектива потери и так небольшого денежного содержания вызывает во мне сопротивление всего внутреннего я. Кто-то, человек грубый и не тонкий, может назвать это «жадностью», но я предпочитаю выражение «экономическая целесообразность». Мне семью надо кормить. Так что совесть меня не гложет.

Но в данном случае считать копейки не было никакого резона. Тем более олигарх обещал оплатить все расходы по поездке, включая питание и... как бы это сказать помягче? Вознаграждения людям, предоставляющим полезную информацию. Проще говоря, взятки. Так что потеря в зарплате компенсируется легко.

Решив все технические вопросы, я добрался до своего стола и открыл принесенную чувичкинским шофером папку. Так, посмотрим. Ага, билеты до Белгорода. Купе выкуплено целиком, все четыре места. У богатых свои причуды. Но это же отлично, значит, будет шанс выспаться.

Обратного билета нет. Понятно, неизвестно же, когда я с делами справлюсь.

Так, что еще? Конверт. Толстый. Написано «Накладные расходы». В конверте – деньги и сложенная бумажка. На бумажке – надпись «Финансовый отчет» и таблица табличка под ним. Вот ведь бюрократы! Наверное, Владислав Всеволодович постарался, зараза. Ладно, сделаю я вам отчет. Мало не покажется.

Так, далее. Копии документов на самого Чувичкина и его мать. Паспорта, свидетельство о рождении, свидетельство о браке. Это я попросил сделать. Сделали. Молодцы, но сейчас не нужно. Поехали дальше.

Подборка материалов по селу Разумное. Несколько принтов из интернета. Так, почитаем. Кусок из Википедии, например.

«Точных данных о дате образования села Разумное нет, но первое упоминание о нем появилось в 1678 году (солидный возраст, чего уж – О.Я.). Населяли село в основном однодворцы (это были такие как бы частные пограничники, охранявшие границы за наделы земли, да – О.Я.), переведенные в девятнадцатом веке в разряд государственных крестьян.

В 1855 году, при активном содействии мецената, статского советника Владимира Федоровича Буженина (о, он-то нам и нужен – О.Я.), в селе вместо деревянной церкви была построена каменная, а также открылась церковно-приходская школа.

С началом Великой Отечественной войны около 500 разуменцев ушли на фронт, 350 из которых не вернулось (обалдеть! Это же больше, чем каждый второй. Представляете: каждый второй мужик не вернулся с войны – О.Я.). В ходе войны Разумное было выжжено дотла. Также была разрушена церковь, являвшаяся самым высоким зданием и хорошим плацдармом для ведения огня. Вернувшиеся жители были вынуждены поднимать село из пепелища.

После войны село активно развивалось, и его население росло, а с середины 1970-х гг. началось строительство многоэтажных домов.»

Как же там сказал Чувичкин? Слово какое-то непонятное? Аббревиатура. Эм... Во, ПГТ! ПГТ, ПГТ... Интересно, что такое ПГТ? Надо будет спросить его при случае.

Про архив в тексте не сказано ничего, но в поселке его, скорее всего, и нет. Зато архив, я уверен, есть в Белгороде. Значит, надо будет там на денек задержаться. Хорошо, что дальше?

А дальше шла пачка писем. Конверты – с кучей марок. Мечта филателиста. Пахли письма почему-то подсолнечным маслом. Домашний такой, блинный запах. В графе «кому» написано Софья Петровна Чувичкина. В графе «от кого» – «Федор Иванович Плойкин».

Конверты заботливо разложены по датам. Я взял первый из них. Эх, старость не радость, вижу-то уже не очень. «Мартышка к старости слаба глазами стала». Ладно, заработаю, куплю себе модные очки. А пока посмотрим, что это за Плойкин.

Почерк разборчивый, немного детский. Помарок мало. Видать, писал сначала на черновиках, потом переписывал. Как сочинения в школе. Несмотря на это, запятые, впрочем, как и любые другие знаки препинания, отсутствуют. Понятно, чего чернила зря переводить? Русские же языками не владеют. В том числе и своим собственным. Хорошо хоть точки ставил. Ошибки тоже присутствуют, куда без них?

Меня могут спросить: есть ли у тебя, Языков, совесть? Не стыдно ли тебе читать чужие письма? Отвечаю по пунктам: есть, не стыдно. Чужую переписку я читаю всю жизнь, работа такая. Если бы каждый раз стыдился, давно бы уши отвалились от покраснения.

Я достал из конверта листок из ученической тетради в клеточку. На нем было написано следующее:

«Здравствуй дорогая Соничка.

Не знаю почему начепаю писать тебе но тетя Люся когда умерла я понял что никого ближе тебя у меня и нету. Вот такая смешная котавасия.

А молчал я все эти годы сама знаешь почему. А еще не ведал как ты и что с тобой и боялся услышать что тебе нет среди живых. Но вдруг увидел тебя по телику с сыном твоим рядом в новостях а потом узнал что мужа своего ты давно схоронила и обрадовался и подумал как же хорошо что ты жива и здорова. И еще подумал дай напишу ей. И адресок твой узнал у родственницы у Валюхи. Вот пишу.

А жизнь моя хорошая. Живу один как перст в Белгороде в доме тети Люси. Здоровье нормальное только пью иногда. Тоска навалится временами потому и пью. А так все хорошо.

Долго думал что же я могу написать тебе о своей сегодняшней жизни но оказалось что писать то и нечего. Живу как живется. Раз живой то и живу пока. А мыслено в прошлом бытую. Оно для меня как живое. Старый стал наверно маразматик. Вот и буду прошлым с тобой дилиться. Уж будешь ты читать или нет не знаю мне главное написать тебе. Хотя вру конечно хочу что бы ты прочла. И может быть ответела.

Помнишь как мы с тобой в Разумном детьми бегали? Старая часть мало изменилась с тех пор все как в нашем детстве. Те же домишки ну может только кирпичом облажили. Зато кругом выросли всякие новостройки высоченные. Приедешь не узнаешь. И народу понаехало ни одной знакомой морды не встретишь за целый день поздороваться не с кем.

Я катался туда раньше часто к корешам своим да бабу Клаву навестить. А сейчас и не езжу уже. Зачем? Друганы мои да собутыльники перемерли а билет на автобус денег стоит. А на кладбище ходить так расстраиваюсь только да и напоминаюсь вечно так что домой еле доберусь. Так что редкий я гость в родных краях.

Зато был недавно по делам в Крутом Логе. Парни то наши помнишь крутовцев при случае как мутузили? Да и те спуску не давали. Там возле клуба ихнего дом был. Так хозяин того дома вечно без забора оставался для драки все доски разбирали. Ох помню и мне досталось. Прямо промеж глаз дрыном засветил мне Копыла. Но через месяц подзажило опять туда. И Копыле по горбу черенком от граблей заехал так что неделю он лежал. Отомстил я значит. Мне правда потом кто-то тоже приложился на знаю кто с той поры коленка на дождь всегда ноет. Нормально развлекались.

А потом и женились друг на дружке. Не парни конечно как теперь модно а парни с девчатами из разных сел. Почему-то любили наши крутовских баб замуж брать а крутовцы наоборот наших сватали. С риском для морды конечно. Нынешние парни то смотрю и одних таких танцев не переживут. Хилые какие то. Жидкие как понос извини Соничка.

На этот раз больше писать не буду и так не знаю ответишь ты мне или нет. А беспокоить тебя просто так не хочу. Но ответу обрадуюсь.

*Любящий тебя, Федор Иванович Плойкин.
Федюшка, как ты меня звала».*

Мдя, анамнез тут, видать, отягощенный. Любовью застарелой пахнет. Только вот зачем это мне, не понятно. Ну да ладно. Я исследователь добросовестный, должен изучить любую бумажку, раз клиент считает ее относящейся к делу.

Я посмотрел на часы и понял, что мне нужно срочно собираться на поезд. Собрал бумаги в папку и, как говорится, рванул навстречу грядущему.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Короткие проводы

Дома меня ждал царский обед. Доллары продолжали свое целебное воздействие на наш семейный очаг. Света была не только самой любезностью, но и самой игривостью, что, в общем-то, чуждо ее натуре. Старания я оценил, но сделал строгое лицо: давай без глупостей, муж-добытчик мало-мало спешит. А то мамонты разбегутся. А ты, женщина, храни очаг.

Тяжело быть циником. Циники почти не способны к ощущению счастья. Но и разочарований у них не в пример меньше.

Вещи, собранные Светой, мне пришлось перебрать. Чемоданов она собрала два. Очень тяжелых. Видимо, перепутала меня с собой.

– Ты выгоняешь меня из дому? – спросил я жену, чуть не заработав приступ радикулита при попытке поднять один из них.

– Почему? – с полоборота начала заводиться Света, чувство юмора никогда не было ее сильной стороной. – С чего ты взял?

– Ну, судя по чемоданам, туда поместились все мои вещи. Все, которые есть. Включая дрель.

– Дрель я не клала, – округлила глаза жена.

– А пальто положила? – уточнил я, не сомневаясь в ответе.

– Конечно! – не раздумывая ответила моя заботливая половина. – А вдруг холодно?

– Конечно, – покорно согласился я. – Где ж это видано: в середине июля, да без пальто. Но только вот где я там буду жить, пока непонятно. Скорее всего, в каком-нибудь «Доме колхозника». Вещи запылятся. Так что давай пальто вынем. Да и остальное посмотрим.

Дрели в чемоданах, как ни странно, не оказалось, но вот фен присутствовал. Учитывая, что моя стрижка представляет собой сантиметровый, идеально ровный ежик, вещь для меня абсолютно необходимая. Также в чемоданах обнаружили: электрочайник, мой единственный костюм-тройка и крем для ног.

– Света, а крем зачем? – задал я ненужный, праздный и лишенный, в ее понимании, практического смысла вопрос. Но мне было интересно проследить движение женской мысли.

– Ты будешь много ходить, появятся трещины. Помажешь кремом – пройдут, – ответила жена.

– У меня же никогда не было трещин, – возразил я, упиваясь своей логичностью.

– Будут, – зловеще пообещала Светлана и, обиженно забрав у меня крем, захлопнула крышку клавиатура... в смысле, вышла из комнаты. Как всегда, пошла на кухню плакать.

Я никак не могу перестать реагировать на ее обиды. Тут бы мне поучиться у тестя, Светино папаши. Что бы ни происходило, он остается абсолютно невозмутим. На атаки жены и дочери реагирует стоически и с достоинством. Можно сказать, по-королевски.

Мне вспоминается один случай. Тогда мы, молодые еще обалдуи, жили у Светиных родителей и, конечно, участвовали во всех семейных мероприятиях. В том числе и в уборке.

Когда в квартире, под руководством тещи, затевалась генеральная уборка, это было сравнимо с подготовкой театра к премьере. Все мылось, стиралось, драилось, чистилось, а мебель, даже очень тяжелая, обязательно сдвигалась со своих мест. «Генералили» обычно с утра до позднего вечера, иначе было «не считово». На выходе примался только сияющий идеал, в ином виде результат не рассматривался. Устать до упаду было непременно условием, без этого уборка не мыслилась законченной.

В одну из таких «генералок» тесть был отправлен выбивать ковер. Его сняли со стены, положили на могучее тещево плечо, в руки дали колотилку, и наказали не возвращаться, пока в ковре прячется хоть одна пылинка. Мол, проверим потом, не обижайся, если что.

Егор Владимирович вынес семейное достояние на улицу, развесил на трубах, размахнулся и... его позвали приятели. Нет, пить они не стали, хотя это довольно удивительно и свидетельствует о его потрясающей стойкости. Тесть выпить был, в общем, не дурак, причем мог сделать это абсолютно спонтанно и в любое время суток. Но не в этот раз. В этот раз они просто обсуждали какой-то чрезвычайно важный вопрос. То ли неработающий карбюратор волновал их умы, то ли игра «Зенита», но увлеклись они настолько, что не заметили, как прошел час.

Из подъезда появилась теща. С подозрением осмотрев компанию и поведя чутким носом, она воскликнула:

– Егор, что же ты так долго. Выбил? Мы все помыли, ковер вешать надо.

Егор Владимирович понял, что если скажет правду, за жизнь его никто не даст и ржавой копейки. Поэтому он мобилизовался и ответил, изображая некоторую одышку:

– Так луплю без продыху. Знаешь, сколько там пылищи!

Теща, выразив лицом радость, тут же сменила ее на деловитость:

– Ну, так снимай и неси скорей, дел еще сколько!

Тесть снял ковер и занес в дом родной.

Поздно вечером, когда квартира по чистоте превосходила операционную, а все устали, как шахтеры—стахановцы, теща с удовлетворением отметила:

– Ну, теперь порядок. И ковер, смотри: как новый. Совсем по-другому смотрится. А вы говорили: «не надо выбивать, не надо выбивать!»

И все согласились, что ковер действительно здорово посвежел. Особенно Егор Владимирович согласился, и ни один мускул на лице его не дрогнул. Согласился и я, хотя единственный из всех наблюдал из окошка, чем занимался тесть во дворе. Но из чувства мужской солидарности Егора Владимировича, конечно, не сдал.

В какие-то сорок минут я привел количество вещей к состоянию минимальной достаточности. После этого они поместились в наплечную сумку. Зато кровать наша превратилось в подобие магазина секонд-хэнда с расширенным ассортиментом. Это там, где продаются не только шмотки, но и мелкая бытовая техника, и косметика, и еда. Кстати, еда «секонд-хэнд» – это сильно. Не хотелось бы пробовать.

Костюм с галстуком я тоже выложил. Не тот случай. Не те люди. Деревенская интеллигенция в виде алкашей и работяг примет меня любим.

Света отошла быстро. Даже попрощались хорошо. В общем, она никогда долго не дулась, это было не в ее стиле. Мелко отомстить потом, когда не ждешь, это – пожалуйста, это она могла.

За час до поезда за мной заехал прежний шофер. Я уже знал, что зовут его Гена. Машина, на которой Гена вез меня на вокзал, была ему под стать. Глядя на обоих, создавалось ощущение, что они могут пройти сквозь тебя, даже не заметив преграды. А ты при этом превратишься в космическую пыль. Рядом с таким Геной любой средних размеров мужчина чувствует себя Чебурашкой. Поэтому другие машины уступали нам дорогу самым естественным образом. И к вокзалу мы подъехали почти сразу после того, как отъехали от дома.

Гена порывался проводить меня до поезда, но тут я оказался непреклонен. Я представил себе, как он, неся мою сумку, доводит меня до вагона, а потом стоит на перроне, утирая скупую, но неудержимую мужскую слезу. И машет, и машет мне вслед платочком, больше похожим на наволочку. А все пассажиры смотрят на эту трогательную сцену, а потом всю дорогу, все двадцать часов, подозревают нас в чем-то нехорошем.

Нет уж, сумку я и сам донесу. Тем более, мне надо зайти в магазин. Ехать на село в трезвом состоянии – идея странная, не находите? Я нахожу.

Распрощавшись с Геной (целоваться не стали), я пошел, увидел и купил разного спирто-содержащего. Взял раза в полтора больше того, чем было надо. Потому что иначе все равно не хватило бы, и я бы пошел за добавкой на какой-нибудь заброшенный полустанок, и отстал бы от поезда навсегда. И остаток жизни провел бы на берегу тихой речки, в единении с природой, русалками и экологически чистыми комарами. Я себя знаю. А у меня семья. И Португалия манит и ждет.

Показав немолодой, но радостной, как рябина на морозе, проводнице паспорт, я прошел в свое купе. За радушием железнодорожной работницы тщательно скрывалась классовая ненависть: вот он, мол, буржуй, который четыре места выкупил. Ну и ладно. Хоть раз побуду ненавидимым всеми богачом.

Как хорошо, что теперь не надо стелить белье, уже застелено. В моем купе, естественно, белье присутствовало на всех четырех места. Обязательно буду спать на каждом и помну их, как в сказке про трех медведей. Это даже не одной попой на двух стульях, это гораздо круче.

Расположившись поудобнее, я щелкнул открывашкой, надолго приложился к бутылке, подергав кадыком, а потом блаженно растянулся на полке. В обычной ситуации кадыком я, конечно, не дергаю. Но надо привыкать к особенностям контингента, с которым придется работать. Вживаться, так сказать, в роль рубахи-парня.

Потом достал из папки конверты. Работа – прежде всего.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Тихий зов дембеля

«Дорогая моя Соничка.

Как же я рад что ты мне ответела и как же тебе спасибо за это. Письмо твое я читал и перечитывал много раз хотя оно короткое и рассказываешь ты о себе скупо. Но я тебе буду писать раз ты не против.

Новостей в моей жизни нынешней кот наплакал. Да и нет их вовсе. Так что про прошлое буду писать. Повспоминаем вместе поплачем иногда. Странное дело но поплакать по прошлому бывает так сладко.

Расскажу теперь про свои странствования. Я когда в Белгород подался экспедитором стал работать. Поматался по ближним селам и по дальним. Был например в Генераловке. Помнишь как Вася-Пуика говорил о своей супруге «она же дура с Генераловки, там все такие!». Склонял он ее как только мог супругу свою и всегда деревню эту поминал. Правда никаких дур в Генераловке я не заметил. Может по домам сидят чаи гоняют.

Зато там потомки староверов живут. Их видел. Они там поголовно все с бородами кроме баб. И смотрели на меня таким волком и двумя пальцами крестились. Думал ноги не унесу но ничего обошлось.

Тут везде по Белогорью в войну народу тьма тьмущая полегла как и у нас в Разумном. Вся земля от осколков звинит. Бабушки моей сестру посеколо таким осколком и кровью она истекла. Не добежала до погребца где остальная семья схоронилась. Молодая девушка совсем, Еремина Клавдия Михайловна ее звали. А бабушку мою Агафья Михайловну, баба Гаша, ты помнить должна».

Молодец Федор Иванович, правильно, соображает. Художественные достоинства его мемуаров мне, конечно, до фени, а вот имена-клички-географические названия – это мой хлеб. С маслом. Даже если впоследствии эта информация не пригодится. А вдруг да понадобится?

«Бабушкину семью потом эвакуировали в соседнее село где воевали не так люто. Когда вернулись в Разумное на месте дома только железная кровать стояла. Не сгорела. Метал хороший. Пока не вырыли какую-то землянку так и спали в бурьяне.

Однажды сосед Коляша выбросил в мусорку футбольные кеды. Они совсем до тла были изношены. А баба Гаша пожалела и на себя напялила. Лыком подвязала чтобы не развалились по дороге и на рынок пошла картоху торговать. Над ней потом полгода наши смеялись а она говорила «себе в подол

заглядывайте вдруг вы там принесли кого а обувку мою не трожьте она еще крепкая послужит».

Поминялось тут все с тех пор как ты уехала. Жизнь на селах теперь почти городская. Много участков поросли бурьяном. Кое-где траву скашивают и вид вроде опрятный но все не то. Если ранешние хозяева из гробов встали бы и землю свою увидели бы они бы сразу умерли вспять.

Раньше ведь с огорода кормились и люди и животные. Стояли раком на грядках с утра до ночи. Бабушка Гаша когда уже почти ходить не могла ложилась на живот и лежа полола да таяла.

Про урожай морквы все говорили да про колорадского жука да чем травить медведку. За брошенную лопату можно было отхватить леца. Шутили что если кто выйдет сдуру или спяну в феврале на огород с лопатой все остальные выбегут и копать начнут немедля. Баба Гаша изводила соседских кумушек рассказами про невиданный урожай бурака а те и завидовали и не верили. А потом тут же жалилась что тля с медведкой все пожрала. А те опять не верили «как же пожрала сама каждый день на рынок с мешком морквы и с мешком денег обратно а нам тут плачется».

А сейчас нет ничего. Какие-то божьи одуванчики еще сидят на рынке и торгуют чем то там с огородов. Но их мало померли все. Даже коров ни у кого нет

А пока сегодня не буду писать большие. Пойду выпью чутка и спать лягу и буду ответа от тебя ждать.

Твой Ф. Плойкин.»

Вот никогда не любил эту сельскую жизнь, никогда. Должны быть профессиональные фермеры, с техникой и современными знаниями, как на Западе. Это они должны давать удои и покосы. А все эти таяпки, грабли и лопаты – дичь и средневековье. Только не спрашивайте меня, чем тогда будут заниматься деревенские. Нет, не пить. Пусть отдыхают что ли. Заслужили. Впрочем, не мое это дело.

И тут поезд тронулся. Ну и ладно. Земля, прощай, в добрый путь! Выпьем за это, и к следующему письму.

«Дорогая моя Соничка.

Спасибо что отвечаешь мне старому пропойце. А я твоими письмами только и жив читаю их и радуюсь.

Вспоминал тут про совхозы. Денег в совхозах тогда и не платили а только трудадни. Позже стали пенсию давать крохотную но и этому были рады. Баба Гаша так сказала «слава богу теперь хоть в храм поехать не надо у детей копейку просить».

Помнишь Елисеева председателя совхоза нашего? При нем же Разумное росло как на дрожжах и доросло до блеску. Тут тебе и ферма была и теплицы и поля и племзавод и кони всякие породистые. А главное винный завод был и делал кальвадос гнилуху да спирт. Все как положено

Серьезная промышленность была. И химзавод и витаминное предприятие где ты тогда работала когда французы приезжали. Ну тебе неприятно про французов наверно. Не буду раны бередить хотя поди былъем все уже поросло.

А спирт был везде. Много. Куча народу из-за него полегло. У нас на заводе однажды маляры выкатили с проходной бочку спирта под видом краски. Месяц веселились потом и в горячке бегали.

Наш деректор на планерку входил со словами «привет дурдом». А больше он приличных слов не говорил. Потому что народ не понимал по хорошему. Этот деректор вишь встретил кузнеца Пуню когда тот в час дня домой шел и спросил что мол за нахрен. Так Пуня ему в ответ: «пока домой дойду пока жрать разогрею как раз и пять часов».

Зачем мне вся эта сельская лирика – непонятно. Но такова уж специфика моей работы – среди тонн бумажной руды отыскивать жемчужину. Да и не скучно пишет Федор Плойкин, без занудства. Создает во мне, так сказать, аромат тамошних мест. Пусть создает, продолжим.

«В лесопосадках была у нас сделана канатная дорога. Тебя туда Соничка не пускали а мы с парнями тайком бегали. Повиснешь на специальной палке и катишься вниз. Так здорово! Я однажды навернулся отуда и поймал между ног другую веревку. Перевернулся на ней и шваркнулся об землю так что дышалку отбило напрочь. Лежал и хватал воздух ртом и понимал что все помираю. И непонятно за что хвататься то ли за грудь то ли ниже. Все болит. Страшно было. Но ничего задышал как-то.

А за лесопосадками располагалось множество пионерских лагерей. Летом туда в большом количестве привозили толстых городских мальчиков и красивых девочек. Я то тебе всегда любил а парни наши ходили на дискотеки а после лазали в корпуса к девчонкам. Девочки были смышленные и деревенскими пацанам уступали. Но все происходило прилично так поцелуйчики-обнимульчики.

Ладно дорогая Сонюшка закончу опять чтобы ты не устала и не выкинула письмо не дочетав.

Твой Федор П.».

За стеной, в соседнем купе, гуляли дембеля. В какой-то момент степень моего опьянения приблизилась к той стадии, когда хочется общения и будьчтобудевщины. «Будьчтобудевщина» – мой личный термин, которым я скромно горжусь. Означает широкое понятие, включающее русский «авось»,

помноженный на ощущение вседозволенности и всемогущества. То состояние, в котором хочется перестать думать о последствиях. Я встал, достал из позвякивающей сумки бутылку и собрался пойти к ним. Но что-то остановило.

Посидел, посмотрел в окно. Лег под одеяло.

Уснуть сразу мне не удалось. Как пишут в плохих книжках, «его одолели разные мысли». До сего момента мне казалось, что ничего в этой жизни задеть и разбередить меня уже не может. Любви мои отболели, мир познан, нет никаких секретов и тайных смыслов. Все вокруг предельно логично, целесообразно и поддается статистическому анализу.

Но письма Плойкина разбудили во мне что-то... Я не знаю, что они во мне разбудили, не люблю самокопаний. Знаю только, что никакого отвращения от поездки в Разумное я уже не испытывал. Мне захотелось посмотреть на этих людей своими глазами.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Обломок империи

Белгородский вокзал встретил меня гостеприимно, но дождливо. Так плачет верная девушка, долгие годы прождавшая своего жениха, но, вместо статного юноши, увидевшая на пороге седобородого старца.

Проводница с радостной ненавистью, усилившейся за время поездки тем, что я не купил кофе-чай, ответила на мое «спасибо»: «Приходите еще». Обязательно. И вы к нам.

Прошел сквозь нестройные ряды вокзальных таксистов. Я знал, что город невелик, тут все рядом, а с моим нынешним финансовым положением поездка на такси точно не обрушила бы бюджет. Тем более такая поездка идеально вписывалась в «накладные расходы». Сам Владислав Всеволодович не смог бы подкопаться. Думаю, я мог бы даже взять две машины. Положить в одну из них сумку, в другую – куртку, и самому идти пешком. А они бы медленно ехали рядом. Так в молодости, по его рассказам, делал мой тесть, когда зарабатывал хорошие деньги на разгрузке вагонов, а фантазии куда потратить не хватало.

Но я не люблю такси, особенно вокзальные. Вернее, я не люблю общаться с таксистами. Люди эти, учитывая специфику их работы, легко ранимы, и имеют постоянную потребность излить содержимое своих душевных ран на любого не способного скрыться слушателя. Коим невольно является пассажир. А мне это не нравится. Я – «интроверт на грани обморока», как диагностировала меня одна приятельница-психологиня. Правда, перед установкой того диагноза я не дал нашему флирту развиваться во что-то большее, потому она могла считать себя слегка обиженной и мелко отомстить. Но, думаю, определение ее близко к истине. Поэтому и не люблю я общаться с незнакомыми разговорчивыми людьми.

А в Белгороде и пешком повсюду недалеко, особенно в центре. Ну-ка, что там нам интернет кажется? А интернет кажется гостиницу с крайне неожиданным названием. Знаете, каким? «Гранд-отель». Пешком метров пятьсот. Далеко, конечно, но я дойду. Я спортивный.

Шагая по вокзальной площади, издали слышал баян. Мелодия из-за большого расстояния не различалась, но это явно была какая-то веселая плясовая. По мере приближения выяснилось, что баянист играл «Мы эхо, мы долгое эхо друг друга», правда, в четыре раза быстрее и без пауз. Видимо, домой торопился.

Так вот ты оказывается какой, Белгород-град.

«Гранд-отель» оказался обломком советской империи, подвергнутым не очень капитальному, но весьма условно-косметическому ремонту. Мебель с претензией, но изготовлена из ДСП. Она пыталась придать интерьерам аристократические черты, но получалось плохо. Старинная-то мебель даже пахнет по-другому. Омарами. «Вдовой Клико». Фраками. Голыми женскими спинами. А мебель из ДСП пахнет формальдегидом.

На просторах нашей страны много таких отелей. Тех, которые были построены при СССР. В них даже сквозь ремонт проступает какой-то вахтерский дух, какая-то неистребимая намоленность всеми этими «свободных номеров нету» и «вход гостям после 23:00 запрещен».

Номера имелись. Любые. И приходиться, уверен, можно было в любое время и с кем угодно. Я пробовать, в общем-то, не собирался, но сама возможность грела.

Забронировал полулюкс, посчитав его разумным компромиссом между бережливостью по отношению к деньгам работодателя и персональным комфортом. Я себя тоже не на помойке нашел. Хотя, если бы я сюда приехал по собственной надобности, в гостиницу не пошел бы никогда. Меня расстраивает необходимость отдавать деньги, не получая ничего взамен. Имеется ввиду – ничего материального. Подумаешь, поспать ночь. Поспать можно и на вокзале. Я говорил, что я жадный? Если не говорил, то вот, говорю: я жадный. В разумных пределах.

Кинул сумку в номер, позвонил Свете: все, мол, в порядке, живой. Да трезвый, трезвый, могу в трубку дыхнуть. Потом поел в ближайшем кафе, заработал изжогу. Пополнил запас спиртного.

Так, что у нас на завтра? А на завтра с утра у нас – Белгородский Архив. Сегодня туда соваться поздно и бессмысленно. Местные красоты посмотрим по дороге. Не думаю, что тут их много. А сегодня продолжим общение с Плойкиным, потом времени не будет.

«Милая моя Соничка.

Вспомнилось как носил тебе подарки со свалок заместо украшений а ты ругалась и беспокоилась за меня. Ну чем богаты были как говорят.

Наша любимая свалка была при витаминном комбинате. Для нас пацанов это было большое счастье. Ампулы противогАЗы и детали химзащитной одежды все там было. До сих пор при воспоминании сердце замирает от радости.

Лазали собирали тут же разжигали костер. Бросали в него ампулы и наслаждались хлопками и взрывами. Смешивали разную химическую дрянь чтобы получить нитроглицерин. Хорошо хоть кладбище разукрепленное не пополнилось а то могло бы.

В дом на нашей улице приезжал на лето из Москвы Коля Поляков. Так он сразу по приезду начинал упрашивать нас идти на ту свалку. В его унылой столице таких чудес не было и в памине. На свалке Коля был неутомим всегда плелся оттуда последним и ныл что рано уходим. Часть находок он отвозил корришам в белокаменную и те дюже его за то уважали. Уважали и в помойку провозжали прям про него сказано.

Однажды на ту свалку привезли баллончики с аэрозолем. Что там было не знаю до сих пор. Надписей никаких не было. То ли лак для волос то ли дихлофос то ли еще какая дрянь. А мы тут как тут. Не теряя времени развели костер и ну кидать туда флаконы. Бабах! Бабах! Праздник просто.

Геша золотая голова но дурак безалаберный рационализатор хренов нашел кусок металлической трубы точно по диаметру баллончика. Поставил эту трубу как пушку. Один конец в костер а в трубу флакон. Взрыв огонь и пламенная ракета вылетает из трубы. Самое уди-

вительное что мы остались целы. Геша только глаза лишился но не в этот раз а когда испытывал мелкашку собственной конструкции с дверным ингалятором вместо затвора.

Пару дней продолжалось балонное счастье. Потом кто-то из взрослых пронюхал пригнали бульдозер и всю нашу радость гусиницами подавили. И слава богу.»

В этот момент из гостиничного коридора послышалась какая-то возня. Вставать мне было лень. Возня длилась некоторое время, а потом затихла. Я отложил письмо на тумбочку и уснул.

Утро я начал десятикилометровой пробежки, часового занятия ушу и тридцати бассейнов вольным стилем. Шучу. В половине девятого, с трудом продрал глаза, помылся-побрился и пошел на завтрак. Второй день пьянства давал о себе знать неприятным потряхиванием. Лучше, конечно, было бы воспользоваться принципом гомеопатии «лечить подобное подобным» и выпить бутылку пива, но мне предстояло общаться с незнакомыми людьми. А они могли не понять таких вольностей.

Выйдя из номера, я увидел причину вчерашней возни в коридоре. Дверь одной из соседних комнат отсутствовала. То есть, напрочь. Вместо нее висела коричневая занавесочка. Оригинально у них тут.

Несказанно удивленный, я спустился на первый этаж и проследовал к стойке регистрации. У стойки стоял постоялец. Одет он был по-свойски, в халат, который едва сходил на богатырском теле. Мужчина явно был с сильного устатку, и громовым голосом требовал минералки и объяснений. Объяснений на тему, почему в его номере отсутствует входная дверь. С его слов, он не ожидал, что в приличном заведении, каковым всегда считал «Гранд-отель», возможны подобные безобразия.

Одна из сотрудниц, она явно была здесь наиболее опытной, расплылась в улыбке. Вы когда-нибудь видели, как улыбаются анаконды? Я тоже не видел. Но если эти милые животные умеют улыбаться, уверен, делают они это именно так. Елейным голоском гостиничная дива сообщила богатырю, что, конечно, может рассказать все сама, но начальник охраны сделает это гораздо лучше. Просим проследовать. И она указала рукой в направлении двух шкафообразных молодых людей в костюмах. Мол, они и сопроводят, чтобы вы не заблудились. Постоялец в неглиже, вполголоса возмущаясь местными порядками, двинулся к ним.

– Что случилось? – спросил я тихонечко у более молодой сотрудницы, еще не освоившей всех тонкостей змеиных повадок. Выяснилось следующее.

Вчера богатырь просидел в ресторане до закрытия. Даже дольше, потому что его пришлось еще долго уговаривать освободить помещение. До номера добрался сам. Не без труда, конечно, но добрался.

Карточка в дверях не сработала. Это ничего, что постоялец пытался использовать для открывания электронного замка свою кредитку. Во всех других случаях кредитка работала, а тут отказалась.

Придя к однозначному заключению, что виновата дверь, богатырь начал бить ее плечом. Но противостояла ему не какая-то там картонка. Это чудо человеческой мысли стоимостью под сто тысяч рублей было несгораемым и абсолютно, до этого момента, взломоустойчивым.

Дверь имела массу сертификатов, в которых на иностранном языке говорилось, что сломать ее невозможно.

Но ввали сертификаты. После нескольких мощных ударов дверь выпала в номер. Богатырь ввалился вместе с ней, и от перенапряжения сил тут же уснул. Все произошло настолько стремительно, что подоспевшая охрана могла лишь констатировать ущерб.

Ну, что делать. Спящего накрыли одеялком, дверь унесли, на проем повесили занавесочку. А потом до утра не отводили глаз от экранов видеонаблюдения, чтобы не пропустить пробуждение Дверобоя.

Из кабинета начальника охраны постоялец вышел преображенным. Он подобострастно смотрел на менеджера-анаконду и что-то бормотал о возмещении убытков и морального вреда. О том, что вчера бес попутал. Точно нечистая сила, и никаких других объяснений тут быть не может.

Поняв, что самое интересное закончилось, я двинулся в сторону трапезной. Надо было обдумать предстоящий день. Сначала, значит, в Белгородский архив. Если найду правильные подходы к его работникам, и архивная Фортуна будет на моей стороне, вся моя миссия может закончиться прямо сегодня. А может и не закончиться. Тут как повезет.

Пока завтракаю, кстати, расскажу о методике нашей работы. Может, кому интересно.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Наша служба не опасна, но трудна

Кто-то, может быть, думает, что работа архивиста – это так же просто, как послать запрос в Гугл. Набираешь «Иванов Иван Иванович», и вот он весь тебе, на тарелочке. Ага. Попробуйте. Зайдите в любой архив и найдите там Иванова Ивана Ивановича. Но не любого, а именно нужного. Оттого, что Иван Иванович станет Зайнутдином Ибрагимбековичем, задача не упрощается.

Поэтому работаем мы так. Допустим меня (или вас) интересует какая-то фамилия. То есть история некоего рода. Причем, не важно, идет ли речь о царско-императорских родах, или о крестьянах Кубышкиных.

Сначала ищем все документы по этой фамилии и по местам их проживания. Ищем, где можно: в местном архиве, в других архивах, если доступ есть, у друзей и соратников по интересам. Теперь еще и в интернете.

Скажем, были такие «Крестоприводные книги», своего рода документально оформленная присяга на верность и лояльность власти. Или судебные документы. Все это, воспринимаемое обывателями как бюрократический хлам, дает пытливому исследователю массу информации. Поэтому я испытываю, и призываю к этому других, священный трепет перед любыми бумажками, способными в будущем стать кладезем бесценного материала для специалистов. И источником их заработка, конечно. Всяческие переписи подворий, церковные метрические книги (кто когда крестился, женился, умер) – это наш хлеб.

Само собой, читать по ним историю, как по нотам, не получается. Всегда в любом поисковом деле даже после его завершения остается огромное количество пробелов. Может и вообще никаких документов по определенному периоду не найтись, или мало их, хоть плачь. Да и которые есть, основательно перепутаны. Сплошные порой ребусы и головоломки. Зачастую факты просто отсутствуют, исследователю остаются лишь догадки и предположения. Но без них нельзя двигаться дальше.

Однажды у меня было такое. Имеется пять Астаховых. Из них – три Ивана. Из тех Иванов – два Ивана Петровича. У обеих дочери Татьяны. А вот какую из этих Татьян отпели, а какая родила пятью годами позже – попробуй угадай. Остается лишь предполагать.

Облегчают поиск и дворово-родовые прозвища. Они были довольно распространены в помещичьих селах. В том же Разумном, уверен, тоже. Спроси, например, кого-нибудь: «А где тут Шибановы жили?», скажут: «А это кто?». А спроси про «богушкиных», выложат все, как на духу. А еще вдруг выяснится, что были Шибановы, которые на горе жили, но они не «богушкины», хотя и родня, а «вазелиновы». А «вазелиновы», в свою очередь, делились на «сенькиных» и «арининых».

Когда речь идет о ближайшем к нам столетии, помогают расспросы живых людей, очевидцев событий, ровесников века. Родственников, сотрудников, друзей. Среди них встречаются довольно уникальные люди. Мало того что они могут неплохо помнить собственную родо-

словную, но и про другие семьи способны рассказать немало. При этом отмечается довольно известный феномен: давнее прошлое помнится пожилыми людьми четко, «как вчера», а вот со вчерашним днем – хуже. Забывают. Склероз не щадит никого.

Таких людей мы очень любим и на вес золота ценим. Иногда приходится навещать их несколько раз: не умещаются их рассказы в одну встречу. Некоторые из них, конечно, ворчат и делают недовольный вид: мол, опять приперся, помереть не даст спокойно. Но в душе млеют они от удовольствия и внимания к собственной персоне. Рассказывают и рассказывают. Главное, задать направление – потом не остановишь.

Хотя наладить первый контакт иногда бывает трудно. Желание узнать нечто, никому доселе ненужное, вызывает подозрения. Не террорист ли? Не наймит ли мирового капитала? Или шпиён? Может, отсудить чего хочет, а мы не понимаем? Приходится объяснять. Убеждать. Актерствовать.

А даже если и поверят тебе, то примут за малохольного. Сами подумайте – здоровый, не старый еще мужик тратит время на то, чтобы узнать, была ли Маня Голикова, 1922 года рождения, замужем за Арсением Феоктистовичем и, если да, то почему у ее сына другая фамилия? Сами вы чтобы подумали про человека, задающего такие вопросы?

Здорово, конечно, если сохранились фотографии. Можно показать их очевидцам, и воспоминания становятся живее. Кстати, люди в былые времена вообще лучше друг друга запомнили. Видать, по причине отсутствия гаджетов были внимательнее друг к другу.

Само собой, рассказчики, даже очень хорошие, далеко не всегда являются носителями истины. Их возраст, давность и эмоциональная значимость событий вносят немалую лепту в достоверность повествования. Оттого истории эти необходимо перепроверять у других «машин времени», нудно и скрупулезно сопоставляя даты, имена, события.

Надо понимать, что если речь идет о близких родственниках, которых любили, узнать правду о событиях неприятных бывает ох как непросто. О хорошем говорить не стыдно, а грехами родных кому охота делиться? Но без скелетов в шкафу семей не бывает.

А уж если зло на кого есть, тут тоже фантазиям раздолье. Чего только стоят характеристики! Хоть Гоголю отдавай. «Верка такая была женщина хорошая, а он – дурак-придурок. Он же, курва, ни одного дня тверезвый не ходил и не работал, падла, месяцами. Форменный анархист!».

Порой именно краеведы рассказывают людям, что, например, соседи через два дома – их самая близкая родня. Когда-то два брата поссорились и до самой смерти не знались вовсе. Никаких контактов, «развод и девичья фамилия». За тридцать-сорок лет люди становятся не просто чужими, а как бы и незнакомыми вовсе. Все и думать забыли о том, что они родственники. Проходит пара поколений, и прежнее родство порастает быльем. Но документы – вещь упрямая. И они говорят – родственники, и ближайшие.

Люди несказанно удивляются. Родственные отношения, конечно, восстанавливаются не всегда, для этого нужно быть сильным человеком. Но бывает и так.

Еще один неисчерпаемый источник информации – кладбища. Там же фамилии, даты, фотографии – чего еще можно желать архивной мыши? Родные зачастую похоронены рядом. Много проясняется. Даже если могилы без табличек, можно поговорить с посетителями. Самое благодатное время для разговоров – церковные праздники: Пасха, родительские субботы. В эти дни почти на всех могилах – люди: кто работает, ухаживает, кто просто навещает. Выпивают, конечно. Разговаривай – не хочу.

При расспросах нужно уметь тонко направить собеседника, чтобы он не потерял нить рассказа, потому как увлеченный человек вспоминает порой все, что угодно, кроме того, что нужно. Но, с другой стороны, нельзя и обидеть рассказчика. Нельзя дать ему понять, что на него давят и используют, как губку, которую выжмут и выкинут.

Тем более, в процессе таких «бессмысленных» рассказов порой всплывает совершенно неожиданная информация. «Да это ж Шурка Логачева там жила, у нее два сына было. Они на севера уехали. А она ушла потом к сестре жить – Вальке Лелекиной. Да сестры они, точно знаю. Только отцы у них разные. У Шурки – Мишка Ломакин отец, а у Вали этот... как его... Сисика его звали». И как будто недостающие элементы в мозаику добавились, и вся картина перед глазами твоими выстроилась. «Гибель Помпеи», не меньше. За эти моменты и стоит плотать тонны пыли, унижаться перед незнакомыми людьми и терпеть их недоверие.

За это я и люблю свою профессию. Даже когда работаю бесплатно. В смысле, за зарплату.

Вот такая у нас работа – сложная, но тяжелая. Главное – мало кто оценить может. Да не жалуясь я, просто плачусь.

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ

Онегин, я была моложе

Как говаривал мой школьный приятель: «хочешь, не хочешь, а тут как хочешь». Так сказал себе и я, потому что настало время приниматься за практическую работу. Не все же в полукосках загорать и прожигать жизнь на средства работодателя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.